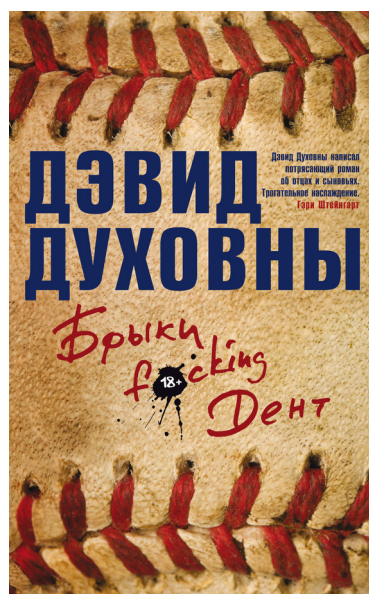

ДЭВИД ДУХОВНЫ
Брыки F*cking Дент

«Фантом Пресс»

2016

Духовны Д.

Брыки F*cking Дент / Д. Духовны — «Фантом Пресс», 2016

Тед Сплошелюбов по прозвищу Господин Арахис мало похож на других выпускников колледжей Лиги плюща. Он живет в крошечной квартирке вместе с электрической рыбкой Голдфарбом, спит среди своей писанины – постмодернистских претензий на литературу – и надеется, что однажды ему удастся великий американский роман. У Теда, как у любого человека, были родители. «Были», потому что мама умерла, а отец... С отцом у Теда такие отношения, что лучше бы их не было вовсе. Но однажды, узнав, что отец умирает от рака легких, Тед перебирается в отчий дом, и событий, и откровений, в его жизни прибавляется стократ. Отцу остались считанные месяцы, и его состояние ухудшается, стоит только его любимой бейсбольной команде «Бостонские Красные носки» в очередной раз продуть. А продувает она уже много лет подряд. Тед устраивает отцу персональный театр, инсценируя выход его любимой команды из глухого тупика и попутно помогая красиво завершить историю его непростой и грустной жизни. Живая, беспредельно человеческая книга актера, режиссера, продюсера и писателя Дэвида Духовны – роман о неуловимой связи между детьми и родителями, о быстро уходящей красоте, музыке, спорте, литературе. Это книга обо всем настоящем, что виднеется из-под пластика, рекламных огней и попсы. А еще о том, что считать победой и успехом в отдельно взятой человеческой жизни, чье признание важно, что имеет смысл помнить и чем дорожить.

ББК 84.5

© Духовны Д., 2016
© Фантом Пресс, 2016

Содержание

1	7
2	12
3	16
4	18
5	20
6	22
7	26
8	30
9	32
10	33
11	37
12	39
13	42
14	45
15	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дэвид Духовны Брыки F*cking Дент

© Шаши Мартынова, перевод, 2016

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2016

* * *

Миллеру и Уэст – всегда

*А также Ами и Джулзу, гринго номер один и номер два, и юному
Мэтти Уорио*

*А еще Мег – она обучила меня в писательстве большему, чем ей
кажется*

*Мед небесный будет иль нет, как знать, А вот земной и есть, и
нет его разом.*

Уоллес Стивенс. «Le Monocle de Mon Дяди»¹

Любовь. Ненависть. Одни слова, Руди.

Скоро буду старик.

Джеймс Джойс. «Улисс»²

Жызень, она странная.

Сынок Листон³

*я вам чё говорю вы на флаг обратили внимание?
обалдеть.*

*джим райс ступил на пластину,
и сразу на левое поле ветер подул.
не только ястремскому дался хоум-ран,
так еще и джексону во вред,
ветер-то дул на правое поле,
когда джексон флайбол заделал,
а когда яз выдал хоум-ран,
ветер дунул на левое поле,
и вышло без фола.
первый страйк пиньелле.
мне кто-то сказал,
что красные носки владеют стихиями там,
я лишь сегодня в это поверил.*

¹ «Мед небесный...» – Монокль моего дяди (искаж. фр.); *Le Monocle de Mon Oncle* (1918) – стихотворение из первого сборника поэта «Фисгармония» (1923).

² «Любовь. Ненависть...» – Эп. 11, пер. С. Хоружего.

³ Чарлз Л. «Сынок» Листон (?–1970) – американский боксер-профессионал, чемпион мира в тяжелом весе.

*Фил Ризуто. «Они – хозяева ветра».
Из сборника «Вот это да! Избранные стихотворения Фила
Ризуто»⁴*

⁴ Филип Фрэнсис «Фил» Ризуто (1917–2007) по прозвищу Скутер – американский бейсболист, играл за нью-йоркских «Янки» (1941–1956), с 1957 г. работал бейсбольным комментатором.

1

Хосе Льядиджи. На работе его звали так. Будто он наполовину латинос, наполовину итальянец. Итальянец, видимо, по отцовской линии. Из какой именно части сапога происходят Льядиджи? Неведомо. Мать у него, наверное, была красоткой-пуэрториканкой из испанского Гарлема. Во потеха была б. Отцу бы понравилось. Но бывает ли вообще такая фамилия? Неизвестно. Они ее даже произносили неверно. Фанаты выговаривали не то. У них выходило «Гля-ди-же»: «гл» произносили как написано. Да и не его это имя. Его звали Тед Сплошелюбов. Теодор Лорд Фенуэй⁵ Сплошелюбов. Тут уж хрен с ней, с корявой кликухой. Какой-нибудь измученный поэт на острове Эллис⁶, видимо, накорябал имя Тедова русского предка Плешелюдова – или Спелобюдова, или Плясоюбова – как Сплошелюбов. Именовался он Тедом. Везде, кроме работы. На работе его звали Хосе. Или г-ном Арахисом.

Может, обзавестись моноклем? Как у г-на Арахиса, рекламного персонажа и талисмана арахисовой компании «Плантерз». Отец Теда работал рекламщиком, и Тед раздумывал, не породил ли его родитель и г-на Арахиса. Может, они с г-ном Арахисом сводные братья. Г-н Арахис – доброжелательный зануда в цилиндре, гибрид с телом арахиса, тростью и моноклем. Мыслящий орех.

Г-н Арахис смахивал на плод неудачного научного эксперимента, какие показывают во второсортных киношках, что крутят по «Дабью-пи-ай-экс, 11 канал» в программе «Жуть-Театр», когда матчи переносят из-за дождя. Ну, типа «Мухи»⁷. «Помоги, помоги». Вот она, бессмертная фраза из «Мухи». Винсент Прайс с туловищем насекомого и головой Винсента Прайса. Это Винсента Прайса голова была? Может, и нет. Да и неважно, в общем. То есть Винсенту Прайсу, может, и важно, а вот Теду – нет. И все же что-то в этом «помоги, помоги» Теда тронуло. Оголенная, вопиющая нужда. Первое, что ребенок учится говорить. После «мама», «папа» и «дай-дай». Помоги. Помоги мне. Пожалуйста, ну кто-нибудь.

Г-ну Арахису требовалась помощь. У него было рябое серо-бежевое арахисовое тельце, ножки-палочки насекомого и паршивое зрение. На один глаз, по крайней мере. Яиц никаких, бесполой – евнух, без трости не может ни видеть, ни ходить. Помогите парняге. На что ему цилиндр? Нет, он прямо напрашивается. Переложить все эти соображения в другую папку: внутренняя шутка, категория «П» – «помогите». Может, пригодится. Впрочем, на нее уже набралось перекрестных ссылок, она пролезла в разные другие категории, и все перепуталось. Эх, ему б девушку. Тело у него – не арахис, с яйцами и нуждами все в порядке, и эмоциональными, и физическими, и прочими. Да полно у него всяких противоречивых нужд, летят во все стороны – прямо как с глушителем, отваливающимся на ходу: сплошной фейерверк и звук еще этот мерзкий. Девушка/глушитель. «Надо, надо носить при себе авто-ручку», – подумал он. Сердит на себя, потому что это вот всё, мысли эти – они забываются. Мама всегда говорила, что, если оно важное, не забудется. Как бы не так. Может, верно даже обратное. Может, мы как раз важное и забываем – ну или пытаемся забыть. Как там Ницше говорил? Помним лишь то, что причиняет нам боль?⁸ Не совсем то же самое, но с того же стадиона. *В смертоносных боях*⁹.

⁵ Фенуэй-парк – бейсбольный стадион возле Кенмор-сквер в Бостоне, штат Массачусетс, место проведения домашних матчей бостонских «Красных носков».

⁶ Остров Эллис расположен в устье реки Хадсон в бухте Нью-Йорка, с 01.01.1892 по 12.11.1954 г. – крупнейший пункт приема иммигрантов в США.

⁷ «Муха» (*The Fly*, 1958) – черно-белый фантастический фильм американского режиссера Курта Нойманна; главную роль сыграл Винсент Прайс (1911–1993).

⁸ *Помним лишь то, что причиняет нам боль* – парафраз из книги «К генеалогии морали» (1887).

⁹ *В смертоносных боях...* – здесь и далее в этой главе – строки государственного гимна США; текст – фрагмент из

Стадион мыслей. Стадион «Янки», на поле – команда раздумий. И на зрительских местах. Ум Теда – полный стадион недопеченных мыслей, седьмой иннинг. Трансатлантический аристократический голос Боба Шеппарда¹⁰: «Дамы и господа, извольте обратить внимание на первую базу: у “Янки” произошла замена Криса Чэмблисса¹¹, вместо него играет юный немец со впечатляющими усами – Фридрих Ницше». Филу Ризуто понравилось бы. Как так получается: если пытаешься быть всеобъемлющим, обыкновенно вылезает оборот типа «те, что»? Неуклюжесть слога как заявка на глубину. Это не плохая мысль – это мысль, которая неплоха.

Тед частенько забывал, что у него нет женщины. И в такие мгновения он, вероятно, был счастливее, чем когда вспоминал. Девушка. Сложить в папку на букву «В» – «вряд ли» или на «Д» – «Да ебись ты сам, Тед». Он и не помнил, когда последний раз был с женщиной, и за эту забывчивость, вообще-то, признателен. *Благородно виясь*. Да, эта мысль – всего-то пустое место для записи, но боль, отсутствие – не исчерпаны, подлинны. Тед чувствовал, как жизнь обходит его. Ему уже хорошо за тридцать. Он приближается к блистательному перерыву в игровом сезоне жизни. Весенние тренировки – смутное воспоминание. Тед ощущал, как вздымается у него внутри застарелый страх, словно подающий, который всю игру держал в кулаке, вдруг слетает с катушек, отпускает вожжи, как говорится. Где-то у Теда в голове старший тренер знаками показал судье тайм-аут и пошел на горку успокаивать питчера. Тед размял правое плечо. Скоро ему бросать, хотелось расслабиться.

Красный сполох ракет. Тед втихара хихикнул и тут же нервно огляделся. Смеяться во время исполнения государственного гимна – ни-ни. Класть ладонь на сердце, как велело Теду начальство, будто ты какой-нибудь псих из УКОЗ¹², необязательно, но болтать и смеяться точно нельзя. Это неуважение к военным, судя по всему. И к Отцам-основателям. И к Джимми Картеру. Вот уж кто на самом деле – г-н Арахис! Арахисовый фермер из Джорджии. Тед обожал подобные замкнутые круги. Кто ж их не любит? Людям нравятся круги, завершенность: крошка-ум рисует строгие узоры на фоне великого хаоса. Г-н Арахис стал президентом своей страны. Времена нездоровья¹³. Помогите ему. Помогите.

Ликовать вслух можно было на последней строке: *Хосе, звезд-полос реет стяг. Над свободной земле-о-о-о-ой...* Но не раньше. Раньше – неуважение. Тонкая это грань, и 60 000 человек – если приезжали бостонцы – чувствовали ее наитием. Как в лифте: не пялся на других, гляди, как мигают циферки. Не встречайся взглядами. Интуитивные правила мира неведомы лишь умственно отсталым, убийцам-психопатам и детям.

Старая шутка: последние слова государственного гимна – «Мяч в игре!». Старая, зато добрая. «Песня», которую невозможно петь, подошла к концу, и вздыбился шум толпы – единого счастливо взбудораженного зверя. Игра начиналась с минуты на минуту, и тут, на дешевых голубых местах, было жарко по-африкански. Арахисовые владения Теда: 80 % латиносов, 55 – пуэрториканцев, 25 – доминиканцев и примерно 20 % всех остальных. Остальные – в основном ирландцы и итальянцы. Все – его народ. Считать эти места «дешевыми» нетрудно, и они, конечно, так далеки от игрового поля, что между зримым ударом биты по мячу и звуком от удара улавливается зазор. Как в плохо дублированном японском фильме. Но Теду нравилось считать эту верхотуру не выселками, а Олимпом, а они тут все

поэмы Фрэнсиса Скотта Ки (1779–1843) «Оборона форта Макгенри» (1814).

¹⁰ Роберт Лео Шеппард (1910–2010) – нью-йоркский университетский и спортивный комментатор и диктор, много работал на играх нью-йоркских «Янки».

¹¹ Кэрролл Кристофер Чэмблисс (р. 1948) – американский профессиональный бейсболист и тренер.

¹² Учебный корпус офицеров запаса. – *Здесь и далее примеч. перев.*

¹³ *Времена нездоровья* – отсылка к речи 39-го президента США (1977–1981) Джимми (Джеймса Эрла) Картера (р. 1924), произнесенной 15 июля 1979 г. в разгар энергетического кризиса и спада в экономике США; разговорное название этой речи – «о нездоровье», хотя это слово в речи президента не прозвучало ни разу.

боги, смотрят, как человечки-муравьи играют в свои дурацкие игры. Тут он и работал. Швырялся на стадионе «Янки» арахисом, в основном в мужиков, которые считали, что звать его Хосе – это смешно, как первые слова испанглотязычной версии государственного гимна¹⁴. Или же г-ном Арахисом. А некоторые все же именовали его Тедом.

Но он предпочитал, чтобы Тедом его не называли. Работа ему нравилась, по счетам он расплачивался, а сам тем временем писал, но ему все же было немного стыдно: в его-то возрасте и с его-то образованием – нью-йоркская частная школа, Лига плюща, – чтобы сводить концы с концами, приходилось метать в людей бобовые. И все же он предпочитал работу, которая настолько далека от того, что он «должен» был делать, настолько он не соответствовал никаким ожиданиям, что людям могло казаться, будто он – из тех гениев, беспардонных охуенцев, что показывают миру нос и кому в общем и целом насрать. Ему хотелось, чтобы его считали не лохом – так он сам о себе думал, – а чудиком. Чудным парнягой со степенью бакалавра по английской литературе, из Коламбии, который работает продавцом арахиса на стадионе «Янки» и попутно корпит над великим американским романом. Сколько в этом контркультуры. Сколько близости к работягам и босякам. Отличный мужик. Уоллес Стивенс, торгующий страховками. Натаниэл Готорн¹⁵, протирающий штаны на таможне. Джек Лондон с горстью орехов среди немывтого отребья.

И все равно он гордился точностью своих попаданий. Спортсмен он был так себе, о чем отец когда-то напоминал ему ежедневно. Он бросал «как девчонка», говаривал старик. Что правда, то правда: не было у него ни правой руки Реджи Джексона, ни даже куриного крылышка Мики Риверза¹⁶. Назови кто-нибудь в честь Теда шоколадку, на ней бы значилось «Тюфяк». Однако с годами он довел свои неловкие броски до восхитительной точности балаганной пушки. И пусть со стороны казалось, будто он изображает нечто среднее между прощальным взмахом и заполошным прихлопом комара, он неизменно попадал в ладонь, воздетую в двадцати рядах от него. Болельщики обожали это его жалкое мастерство – и страсть как любили усложнять ему задачу, а затем ликовать, когда он не промахивался. Умел из-за спины. Умел между ног. Его напарник Манго – в очках с линзами, как доньшко бутылки из-под колы, и с боулинговыми наручами, у которого рост переваливал за пять футов исключительно благодаря ортопедической четырехдюймовой подметке из резины на левой увечной ноге, – торговал не таким уж холодным пивом в секторе Теда и вел воображаемый счет Тедовым броскам: 63 попытки, 40 попаданий, 57 – в пределах трех футов. Такое вот. Эдакий средний уровень, процент сильных ударов и ЭРА¹⁷ лоточника.

Сегодня бросал Сом Хантер¹⁸. Тед в это имя врубался. В бейсболе существовали богатые традиции готовых шикарных прозвищ. Вэн Лингл Манго. Куколка Джейкобсон. Хайни Мануш. Вождь Бендер. Инос Слотер. Котомка Пейдж. Урбан Шокер. Мики Мэнтл. Арт Шамски. Рояльные Ноги Хикман. Минни Миньосо. Купидон Чайлдз. Уилли Мэйз¹⁹. Словно

¹⁴ «Хосе» – гимн США начинается со слов «*O say...*»; при добавлении некоторого придыхания в начале получается «Хосе».

¹⁵ Уоллес Стивенс (1879–1955) – американский поэт; получил юридическое образование, долго трудился в различных юридических конторах в Нью-Йорке, в 1916 г. поступил на службу в страховую компанию, где и проработал до пенсии; Натаниэл Готорн (1804–1864) – американский новеллист и романист, в молодости работал на таможне в Бостоне.

¹⁶ Джон Милтон «Мики» Риверз (р. 1948) – бывший центр-филдер.

¹⁷ ERA (*Earned run average*) – статистический показатель в бейсболе, определяет успешность питчера (подающего): сколько ранов (пробежек) он пропускает в среднем за 9 иннингов (чем ниже ERA, тем лучше питчер подает).

¹⁸ Джеймс Огастэс «Джим» (или «Сом») Хантер (1946 – 1999) – професиональный бейсболист Главной лиги бейсбола.

¹⁹ Вэн Лингл Манго (1911–1985) – питчер-правша, устойчивого прозвища не имел, поэтому не очень понятно, почему автор поминает его; Уильям Честер «Куколка» Джейкобсон (1890–1977) – аутфилдер, свое прозвище получил в начале сезона 1912 г.; перед его выходом на поле прозвучала только что вышедшая тогда песня «Ах ты, куколка-красотка»; Хенри Эмметт «Хайни» Мануш (1901–1971) – лефтвер, прозвище получил из-за своего немецкого происхождения; Чарльз Алберт «Вождь» Бендер (1884–1954) – питчер, прозвище получил из-за своих индейских корней по материнской линии (в бейсболе в целом эту кличку часто дают любому игроку индейского происхождения); Инос Брэдшер «Глухомань» Слотер

история Соединенных Штатов, рассказанная в одних лишь именах, настоящая американская *Арифмои*, Книга Чисел. Странный шел год, впрочем: бостонские «Красные носки», давнишние соперники «Янки», но, по сути, трагикомическая подпевка правящим монархам «Янки» – на манер вашингтонских «Генералов» для гарлемских «Путешественников»²⁰, – вдруг принялись выигрывать, и стало казаться, что им наконец-то удастся преодолеть проклятье Малыша Рута²¹. «Носки» продали Рута, к 1918 году уже величайшего бейсболиста, в команду «Янки» – за наличные. Владелец «Носков» Гарри Фрэйзи захотел профинансировать какой-то мюзикл и что-то там. Может, «Нет-нет, Нанетт?»²². Рут стал американским героем, жил лихо, молотил сосиски как не в себя – прямо Пол Баньян²³ в полосочку, что привел «Янки» ко многим выпелам и победам в мировых чемпионатах, чей успех наколдовал для «Янки» стадион посреди бесплодных задворков Бронкса – дом, который построил Рут в 1923 году, в нем Тед сейчас и находился. «Носки» же с тех пор не выиграли ни разу. Ни единого выпела. Шестьдесят лет они лишь впустую таращились в косматый зад «Янки».

Стояла середина июня, а жара была похлеще, чем в июле. Арахис летал, пиво лилось, Сом кидал. В редкие затишья в игре, когда публика его не звала, Тед обычно выхватывал из-за уха туповатый огрызок карандаша и черкал случайные мысли. Потом сложит в папку. В алфавитном порядке, конечно. Соображения для романа, над которым он сейчас трудился, – или для следующего, или для того, который он напрочь забросил в прошлом году. Писать-то – не фокус, фокус – дописывать. В работе находились «Г-н Разгильдяй» (536 страниц), «Где бы ни были двое» (660 страниц плана), «Смерть от ныне» (1171 страница!) или «Мисс Подземка» (402 страницы – и это не предел). Все это никогда не узрит света дня за пределами Тедовой однокомнатной съемной каморки в доме без лифта. Может, сегодня он наткнется на мысль, которая спустит с привязи свору слов, станет отгадкой головоломки, уберет заслон внутри него самого – заслон неспособности тягаться и дотягивать.

Он вспомнил, как Кольридж писал в «Долине Шамони»: «Сумеешь ли заковать звезду зари?..»²⁴ И эта строка виделась Теду честнейшей и самой печальной во всей литературе.

(1916–2002) – райтфилдер, прозван Глухоманью, поскольку родом из заштатного города в Северной Каролине, при этом «Слотер» (англ. бойня) – реальная фамилия, а не прозвище; Лерой Роберт «Котомка» Пейдж (1906–1982) – афроамериканский питчер, кличку присвоил сам себе в память о своей работе носильщиком-грузчиком в детстве; Урбан Джеймс Шокер (ур. Эрбэн Жак Шокор, 1890–1928) – питчер, кличкой стало само его видоизмененное имя; Мики Чарлз, «Комета Коммерса» или «Тот самый Мик», Мэнтл (1931–1995) – центрфилдер и игрок первой базы, отец дал ему имя «Мики» в честь великого бейсболиста Мики Кокрена, а кличка «Комета Коммерса» происходит от города Коммерс, куда семья Мэнтлов переехала, когда Мики было четыре года; Артур Луис Шамски (р. 1941) – райтфилдер, лефтфилдер, игрок первой базы, клички не имел, и поэтому, опять-таки, неясно, почему автор о нем вспомнил; Чарлз Тейлор «Рояльные ноги» Хикман (1876–1934) – универсальный бейсболист (играл на любых позициях), кличку получил за феноменально неудачную игру в сезоне 1900 г.; Орестес «Минни» Миньосо (ур. Сатурнино Орестес Армас Миньосо Арриета, 1922–2015), также прозванный «Кубинской кометой» и «Мистером Белые носки», – афроамериканский лефтфилдер кубинского происхождения, играл, среди прочего, за чикагские «Белые носки»; Кларенс Эджернон «Ку пидон» Чайлдз (1867–1912) – игрок второй базы, получил свое прозвище за херувимскую внешность; Уилли Хауард «Парнишка-Привет» Мэйз-мл. (р. 1931), версии происхождения клички разнятся.

²⁰ «Гарлемские путешественники» (*Harlem Globetrotters*, с 1927 г.) – американская баскетбольная выставочная команда; в своих выступлениях сочетает элементы спорта, театра и комедии; «Вашингтонские генералы» (с 1917 г.) – американская баскетбольная выставочная команда, известная своими системными проигрышами «Путешественникам».

²¹ Джордж Херман «Малыш» Рут-мл. (1895–1948) – легенда американского бейсбола, питчер-левша и аутфилдер, отыграл в Главной лиге бейсбола 22 сезона (1914–1935); продажа Рута команде «Янки» – и последующие 86 неудачных для «Красных носков» лет – называется в истории бейсбола «проклятием Малыша Рута».

²² Гарри Херберт Фрэйзи (1880–1929) – американский театральный агент, продюсер и режиссер, с 1916 по 1923 г. – владелец «Красных носков»; «Нет-нет, Нанетт» (1924) – мюзикл Ирвинга Сизэра и Отто Харбака на музыку Винсета Йомэнса, спродюсированный Фрэйзи, на Бродвее в первом сезоне провалился, зато имел успех в Чикаго.

²³ Пол Баньян – вымышленный дровосек-великан, персонаж американского фольклора, изначально – баек дровосеков. Самое раннее напечатанное произведение о Баньяне из ныне известных авторства Джеймса Макгилливри 1910 (или 1906) г.; в 1916 г. Уильям Логхед популяризовал образ Баньяна-великана в рекламе лесозаготовительной компании «Ред Ривер».

²⁴ «Сумеешь ли заковать звезду зари?..» – строка из стихотворения англ. лийского поэта Сэмюэла Тейлора Кольриджа (1772–1834) «Гимн перед рассветом в долине Шамони» (1802).

В силах ли ты, человек, подобно горе, что на несколько мгновений приостанавливает неминуемый восход, отыскать ту поэзию, что не даст солнцу взойти? В силах ли ты, зовущий себя писателем, найти слова, что смогут повлиять на действительный, естественный мир? Волшебные заклинания – сезам, откройся, трах-тибидох – воины, что прячутся в Троянском коне слов. Ответ, скрытый в самом вопросе Кольриджа: «Черта с два». Был бы ответ «да», Кольридж бы и не спрашивал. Писателю никогда ничего на белом свете по-настоящему не свершить. Более того, возможно, сам акт писательства есть, по сути, признание, что пишущий в действительности бессилен. Тьфу, вот засада-то.

Тед размышлял о своем личном бессилии – и о бессилии старика С. Т. Кольриджа, потребителя опия, влюбленного в Занаду, облазившего Альпы чудика, – а сам при этом калякал на бумажном пакете кое-какие имена, что, глядишь, заколдуют для него время или женщину, чтоб не уходили, или заронят искру историйки, или сделают из него человека, которым он хотел быть: Наполеон Ляжуа Вида Блу Тёрман Мансон Сезам Откройся...

Игра в свое удовольствие никуда не спешила – а потом закончилась. Бостон – 5, Нью-Йорк – 3. Еще один проигрыш «Янки» в этом странноватом году.

2

Как и у самих «Янки», у мужчин и женщин, что обслуживали киоски и зрительские места на стадионе, имелась своя раздевалка. Правда, не застеленная коврами, не полагалось ей ни душевых, ни буфета, ни места, где остужают шампанское. Больше всего она походила на занюханную раздевалку в каком-нибудь квартале «Ч». Здесь Тед и выбрался из своего форменного облачения. Стянул с плеча лямку, на которой держалась большая картонная коробка с упаковками арахиса. Картон. Дешевый и недолговечный, чистое унижение, да и в дождь хоть выбрось. Следом скинул темно-синий козырек, белую рубашку с коротким рукавом, на груди – эмблема «Янки», и синие брюки из полиэстера, которые отказывались дышать и сообщали его бедрам и заднице болезненную красноту и прыщавость. Выигрышное сочетание.

Манго устроился рядом с Тедом на скамейке и с нешуточным стоном снял ортопедический ботинок, такой здоровенный и громоздкий, будто Манго спер его у Фреда «Хермана» Гуинна со съемочной площадки «Манстеров»²⁵. Отшвырнул его в сторону; Тед заметил: каблук у ботинка до того тяжел, что тот всегда приземляется стоймя, как черная кошка.

– Ты сегодня зажег, Тедди Беймяч. По моему неофициальному счету 83 подачи, 65 хитов, едва не промахнулся 10 раз и налажал всего 8. Все *чикитас*²⁶ от тебя млели, балдели и чумели. – Манго нравилось думать, что Тедово минимально оплачиваемое умение лоточника привлекает дам. Он продолжал ворковать, стягивая наручи: – Ай-й, сеньор Арахис, ай, *Пани* Арахис... В одних носках Манго едва доставал сидевшему Теду до уровня глаз. Поди разбери, кто вообще Манго – итальянец, голландец, ирландец, украинец, хоббит, тролль из-под моста? Не определяемо. Вот Тед и бросил пытаться его классифицировать. Просто считал человеком. Очень маленьким человеком.

– Ага, Манго, – сказал Тед, натягивая гражданское, – дамы прямо штабелями валятся к ногам охуенца, мечущего арахис.

Тедова гардеробная ниша – неохиппи, что скорее лень, нежели устарелость. У Теда имелась теория, что любое десятилетие в истории на самом деле духовно – предыдущее. Десятилетию нужно больше десяти лет, чтобы полностью стать самим собой. Следовательно, 40-е – это 30-е, 50-е – 40-е, а 60-е – 50-е, и доказывал он это так: гляньте на «топ-40». В 60-е «Битлз» и «Стоунз» еле отсвечивали – да и у «Грейтфул Дэд» на концертах никогда аншлагов не было, хотя в продажные поп-чарты они все же пробирались, но, в общем, плыли сквозь годы сами по себе, как облачко от травы. В 60-х были вот эти – «Фор Сизонз», Дин Мартин, Перри Комо²⁷, Синатра, Элвис. А теперь у нас конец 70-х, размышлял Тед, то есть конец 60-х. У нас, по сути, лето любви – время вольной страсти. Я совершенно в ногу со временем, думал он, хотя чувствовал, что не столько волен в любви, сколько уволен из нее же.

Все это к тому, почему Тедово штатное облачение в последние десять лет почти не менялось. Футболка в пестрых разводах, джинсы и сандалии. Зимой он наряжался в белые «адидасы-суперстар», три черные полосы, низкие. Вес же у Теда со временем изменился, и потому пурпурная футболка с вихрем цвета несколько жала Теду под мужскими грудями и, задираясь, обнажала грубую шерсть на пухлом животе. (Никак не отвязывалась мысль, что

²⁵ *The Munsters* (1964–1966, в русском прокате «Семейка Мюнстеров») – американский комедийный телесериал о семье добрых человекоподобных чудищ; Хермана Манстера сыграл Фредерик Хаббард «Фред» Гуинн (1926–1993).

²⁶ Девчонки (*исп.*).

²⁷ *Four Seasons* (с 1960) – американская поп-рок-группа; Дин Мартин (Дино Пол Крочетти, 1917–1995) – американский эстрадно-джазовый певец и актер итальянского происхождения; Пьерино Роналд «Перри» Комо (1912–2001) – американский певец и телезвезда 1940–1950-х.

у него спереди груд и, – с тех самых пор, как он прочел одну тревожную статью о том, что от хронического курения травы у мужчин прибавляется эстрогена и из-за этого могут возникать кое-какие малозаметные вторичные женские признаки – например, мужские сиси.) Тед отмахнулся от мысли о своих сисях, встряхнул приматыми козырьком каштановыми волосами до плеч и стянул их в хвост на затылке.

Тед встал и хлопнул Манго по спине:

– Власть рабочим, Манго.

Теду нравилось считать себя коммунистом, это подпитывало его образ не лоха, но мозолистого человека из народа. Хотя к Коммунистической партии США (КПСША), возглавляемой донкихотствующим Гасом Холлом, урожденным Арво Куста а Хальбергом, с 58 709 го лосами, которые набрали Холл и его притязующий на вицепрезидентство коллега по кампании последних выборов Джарвис Тайнер, Тед отношения не имел, коммунистом тем не менее он был. Все же 0,07 % голосов, народ, – против 0,03 % в 72-м! Набираем обороты, детка. Теду нравилось голосовать за безусловных неудачников. Ему казалось, что так его слышно. В университете он влюбился в чудесную марксистку с курса русского языка, из Балтимора. Рэчел Сью Абрамовиц. Удочеренная красотка-блондинка с какими-то явно скандинавскими кровями, она совсем не походила на своих малорослых приемных родителей-брюнетов из Восточной Европы. Потрясный оксиморон эта Рэчел, и Тед втюрился по уши и в нее, и в ее байку про то, что биологический отец у нее был легавым, а мать – проституткой.

Рэчел Сью Абрамовиц утверждала, что однажды подцепила мандавошек от Марка Радда²⁸, но ни в СДО²⁹, ни в Гражданский союз Коламбии вступать не пожелала, поскольку считала, что их представления о практике извращают понимание безупречной теории. Она поучаствовала в организации успешной бучи вокруг фильтра Стикмена³⁰, однако во время спортзальных протестов в Морнингсайд-парке³¹ кто-то из начинающих революционеров стиснул ей в сутолоке грудь и прошептал: «Чего нам надо? Сиську! Когда нам ее надо? Тут же!» И она испугалась. Объяснимо. Тед произвел некоторые изыскания и узнал, что у Рэчел Сью на стене в общежитии – плакат аж с самим одномерным человеком, Гербертом Маркузе³², тогда как все студентки-младшекурсницы украшали комнаты изображениями этих неведомых британских хлыщей, «Битлз».

И все же Тед в своей башне из слоновой кости с удовольствием копался в аллегориях и играх слов под влиянием Джойса (ему нравилось говорить, что «Финнегановы поминки» он предпочитает «Ул ис с у», но то херня была все, библиотечный выпендрей, провокационная рисовка), Стивенса (хотя Тед не дорос еще до «пусть будет будет кажется концом»³³), Сэмюэла «ошибайся вновь, ошибайся лучше» Бекетта и Томаса Пинчона. И хотя Пинчон к политпрагматике имел такое же отношение, как Морячок Пучеглаз, Тед стремглав купил

²⁸ Марк Уильям Радд (р. 1947) – учитель математики, американский политический и антивоенный активист, икона контр культуры.

²⁹ «Студенты за демократическое общество» – американская студенческая активистская организация левацкого толка, существовала в 1960-х гг.

³⁰ ...*фильтра Стикмена*... – в феврале 1968 г. инженерно-химический факультет Колумбийского университета отказался расставаться с правами на разработку воздушного фильтра (его прозвали фильтром Стикмена в честь Роберта Л. Стикмена, разработчика новых и якобы гораздо более эффективных фильтров для сигарет) для тепловых электростанций; вокруг ТЭС в Коламбии в те годы происходило немало экологических забастовок.

³¹ Морнингсайд-парк – между 1965 и 1968 гг. случилось затяжное противостояние властей Коламбии и студенчества, вызванное строительством спортзала на территории общественного Морнингсайд-парка; по архитектурному проекту спортзал не только размещался в общественной части города, но и был устроен таким образом, что небелому населению вход оказался ограничен, к тому же с земли под застройку выселили часть Гарлема. Все это спровоцировало многочисленные забастовки и митинги, иногда вполне агрессивные и со стороны студенчества, и со стороны исполнительной власти.

³² Герберт Маркузе (1898–1979) – немецкий и американский философ, социолог и культуролог, представитель Франкфуртской школы.

³³ «Пусть будет будет кажется концом» – строка из стихотворения «Император мороженого», сборник «Фисгармония».

(всем сказал, изображая Джерри Рубина³⁴, что спер, но нет, смущенно купил) экземпляр *Das Kapital*, исчеркал его весь, вусмерть позагигбал все страницы и даже напоказ делал вид, что читает его на каждом углу, где, как ему было известно, ошивалась Рэчел Сью. (Когда отец Теда увидел его с *Das Kapital* в руках, сказал Теду, что Карл этот – «так себе Маркс, а вот Граучо – гений всей семьи. Карла я числю покруче Зеппо и Гаммо, но пожизне Чико и Харпо».) У Теда от сердца отлегло, когда стало понятно, что зубрильный шик его толстых очков среди участников СДО не только приемлем, но и желанен. Сжег свою сине-белую первокурсную кепочку Коламбии и привык болтаться на крыльце Мемориальной библиотеки Лоу³⁵ – там он трепался, стараясь быть подслушанным, о себе как об *entfremdet* от своей *Gattungswesen*³⁶. Нелепый Тедов план сработал, и Рэчел Сью Абрамовиц стала его первой возлюбленной. Он пал пред ней, как Ленин перед Марксом. Роман длился все четыре года в Коламбии, но быстро пожух, стоило им выбраться за пределы общажного кокона. После вуза он решил заделаться непризнанным писателем и, во всяком случае, непризнанность себе обеспечил, а вот Рэчел Сью Абрамовиц стала, вероятно, единственной в истории человечества супермоделью-марксисткой. Она оставила Теда на некоторое время ради модели-мужчины, а затем ради парикмахера-француза по имени Фабиан.

Невзирая на модель и Фабиана, Рэчел и Тед еще несколько лет время от времени порывались воссоединиться, словно планеты на эллиптических орбитах, и однажды, после долгого, дорогого, гулко-го и писклявого телефонного звонка из Парижа от своей бывшей марксистки и бывшей подруги, Тед задумался, не сделать ли ей предложение. Когда она вернулась в город, он сказал ей, что хочет повидаться, и они договорились встретиться, поесть японского. Тед прибыл на место, облаченный по-взрослому – в темно-синий костюм, и, когда заметил Рэчел за столиком – та читала меню, склонив голову, – сердце его набрякло любовью и он понял, что все делает правильно. Она глянула на него, в ее глазах он усмотрел некую новую глубину и решил, что это видение их совместного будущего. Он поприветствовал ее в губы и ощутил, что у него встает. Она вызывала в нем подобный отклик, даже просто появляясь в комнате. По-павловски, шутили они между собой, – по-херовски, как они это называли. Тед заказал большую бутылку сакэ. Вновь посмотрел на нее – и вновь весь набряк. Как же ему нравилось заниматься любовью с этим гениальным порождением легавого и проститутки.

Они заговорили одновременно, как в пошлейших романтических комедиях: «У меня новости!» Дурной знак. Ха-ха. Давай ты, нет, давай ты, нет, ты, нет, ты. У Теда новость была в виде вопроса: «Рэчел, пойдешь за меня?» Но как джентльмен, которым хотел стать, Тед настоял, чтобы Рэчел сказала первой. Он читал в ее глазах любовь и страсть. Видел их совместное коммунистическое будущее. Ощущал, что его родовая сущность воплотится и реализуется в простом и жизненном – в хорошей работе, любви, огне в очаге, семье. Все сходилось. Рэчел разомкнула влажные губы, показав идеальные белые зубы, и произнесла:

– Я беременна и выхожу замуж.

Мир Теда схлопнулся, как темная звезда, и вывернулся наизнанку. В ушах щелкнуло, будто он погрузился под воду. Он видел Рэчел на суше, но не мог до нее добраться. У нее в глазах стояли слезы, она улыбалась или гримасничала – не разобрать. Тед перестал владеть лицом и понятия не имел, что оно явило возлюбленной. Он в некотором смысле тонул, но во

³⁴ Джерри Рубин (1938–1994) – американский общественный деятель, активист антивоенного движения 1960–1970-х гг., вместе с Эбби Хоффманом лидер движения йиппи, икона контр культуры. «Сопри эту книгу» (*Steal This Book*, 1971) – книга Хоффмана, ставшая манифестом контр культуры.

³⁵ Сет Лоу (1850–1916) – американский просветитель, политик, президент Колумбийского университета, дипломат, 92-й мэр Нью-Йорка.

³⁶ Отчужден... родовой сущности (нем.).

рту было сухо. Слышал ее будто сквозь жидкость – надеясь, что вскоре это будет алкогольный шторм:

– А у тебя, малыш, какие новости?

Тед глубоко вдохнул то, что в легких ощущалось как блевота, словно отказался от мысли утонуть, отныне и навеки, и сказал:

– Ничего важного, малыш. Я так рад за тебя. Давай выпьем!

И он вознес мелковатую чашечку сакэ – за ее жизнь, которую она проведет с другим мужчиной, за ее не рожденных от него детей – и с тех пор никогда не любил и не был любим. Дни по большей части проходили без единой мысли о Рэчел Сью, какой бы ни была теперь ее фамилия, и об альтернативной действительности, которая могла бы состояться, прояви он напор и заговори первым. Если вдуматься, он совершенно выбросил ее из головы, и все же на улице от мимолетного аромата пачули у него кружилась голова и скручивало живот – и привставало.

3

– Власть рабочим, Тедди Беймяч, – отозвался Манго.

Тед направил стопы в сандалиях прочь, в июньский вечер. Прогулка до парковки была для Теда, похоже, самой нелюбимой частью работы. После игры фанаты выстраивались за баррикадами в надежде хоть одним глазком увидеть обожаемых игроков. Завидев выдвигавшиеся к ним из тени фигуры, они пытались угадать по силуэту, кто это идет.

«Лу-у-у-у-у-у», – вопили они, думая, что идет Лу Пиньелла³⁷. Или: «Брыки!!!» – Брыки Денту, «Капитан!» – Тёрмену Мансону³⁸, «Гу-у-у-у-у-у-у-у-у!» – Ричу «Гусю» Госсиджу³⁹ или, что маловероятно: «Реджи! Реджи! Реджи!»⁴⁰ – пока тот шел к своему «бентли-бентли-бентли». Всякий раз они думали, что Тед из «Янки», и, проорав имена игроков и осознав, что перед ними Тед, оглашали свое разочарование. Тед этого терпеть не мог – этого мига, когда они понимали, что это всего лишь Тед. Словно всё – кошмарная ошибка, словно сам он – ошибка.

Аллея позора, ни дать ни взять.

– Ой, да ну, – бросал какой-нибудь пацан. – Это ж господин Арахис. Йо, господин Арахис, как дела, человек-арахис? А-РАХИС!!!

И, как водится, все обернется насмешливой игрой в клички. «Гризли Эдамз!» – орали они с едва сдерживаемой издевкой, округляя Теда до первой попавшейся звезды – например, до актера из хитового фильма. Видимо, он немножко похож на Дэна Хэггерти⁴¹ – громоздкий, бородатый, длинноволосый. «Хэггерти!!!» Игрища с кликухами преобразуются у него за спиной в стоячем воздухе, покуда не появится настоящий «Янки» и не сосредоточит на себе их внимание, а Тед дотопаёт до обшарпанных парковочных мест в дальнем углу площадки. «Хэггермейстер!!! Гризлер!!! Гризельда!!! Капитан Лу Албэно!!!»⁴² – и иногда: – Джерри Гарсия!!!»⁴³ – против чего Тед уже совсем не возражал. Опускал голову пониже и неловко улыбался, скрывая ужас и мечтая об одиночестве, как у Гризлера, – или сделаться невидимкой на те несколько минут, какие нужны, чтоб добраться до машины, на худой конец – хоть чуточку менее видимым, чем есть.

Ближе к задворкам парковки высокие фонари редели, словно никому не было дела до того, что там, на задах, происходит. Тедова могучая кобылица, блевотно-зеленая стареющая «тойота-королла», смиренно ждала его, тихо трепеща на летнем ветерке порванным полиэтиленом, что заменял передние окна, разбитые при краже Тедовой автомагнитолы. Тед бросил запира́ть автомобиль. Кто бы там чего ни хотел из того, что, по их мнению, могло найтись внутри этой завали, – милости просим, лишь бы не ломали ничего. Ценного там все

³⁷ Луис Виктор Пиньелла (р. 1943) – американский бейсболист, выступавший в Главной лиге бейсбола на позиции аутфилдера, позднее – спортивный менеджер.

³⁸ Тёрмен Ли Мансон (1947–1979) – кетчер, все 11 лет своей спортивной карьеры (до гибели в авиакатастрофе) играл за «Янки».

³⁹ Ричард Майкл «Гусь» Госсидж (р. 1951) – бывший питчер Главной лиги бейсбола; с 1972 по 1994 г. играл за девять разных команд, в том числе за нью-йоркских «Янки».

⁴⁰ Реджиналд Мартинес «Реджи» Джексон (р. 1946) – бывший райтфилдер, ныне на пенсии.

⁴¹ Джон «Гризли» Эдамз (также известен как Джеймс Кепен Эдамз и Гризли Эдамз, 1812–1860) – калифорнийский охотник и укротитель медведей гризли, а также других диких животных, которых он ловил для зверинцев, зоосадов и цирков; Дэниэл Фрэнсис Хэггерти (1942–2016) – американский актер, прославившийся в главной роли в американском фильме «Жизнь и времена Гризли Эдамза» (*The Life and Times of Grizzly Adams*, 1974).

⁴² Луис Винсент «Капитан Лу» Албэно (1933–2009) – американский профессиональный борец, спортивный менеджер, актер.

⁴³ Джером Джон «Джерри» Гарсия (1942–1995) – американский музыкант, гитарист, вокалист группы «Благодарные мертвые».

равно не было. Непотребщина. Заднее сиденье завалено грязной одеждой, бутылками из-под газировки, пакетами от арахиса. Ради экономии, а также потому, что ему всегда было без разницы, чем питаться, Тед в основном ел арахис, который продавал на играх. Эта монодиета объясняла его нездоровое брюхо и зеленоватый цвет лица. Никто в истории не проводил столько времени с арахисом – со времен Джорджа Вашингтона Карвера⁴⁴.

И пусть все это смахивало на жизнь старушки-побирушки, или бездом ного, или барахольщика – Тед плевать хотел. Он был марксистским/ленинистским/троцкистским/маркузианским «овощем», не снисходившим до подышающего капиталистского животного, коим была экономика Соединенных Штатов. Тед существовал внутри мира, который желал наблюдать, – и вне его. «Я принцип Гейзенберга, – думал он. Или, может: – Я принцип Дуйзенберга», – и прикуривал косяк.

Тед выдохнул облако дыма, каким гордился бы сам Джимми Клифф⁴⁵, вытащил из рюкзака магнитоу и сунул ее в щель под торпедой. Повернул ключ зажигания, и японский импорт, содрогнувшись, пришел в себя, словно очнулся от спячки, недовольный, что его просят подвинуться.

– Давай, Большая Берта-сан⁴⁶, – уговаривал ее Тед, топча сцепление, думая про себя «Я г-н Сцеп»⁴⁷ и переключаясь на задний ход. – Госоподина Сэцэпа. – Иногда он просто увещевал «короллу» с жутким расистским японским акцентом Мики Руни из «Завтрака у Тиффани»: то был гадкий и простой способ псевдокрутых пацанов гнать расистскую дребедень, какой нравилось развлекаться его отцу, просто чтобы позлить окружающих. Тед это фуфло на дух не выносил, считал оскорбительным. Но иногда, вопреки здравому смыслу, чувствовал себя эдакой куклой чревовещателя, непроизвольно повторяя отцовы слова. Манера говорить или какая-нибудь фраза могли всплыть из ниоткуда, словно наследственная болезнь Туретта. Мгновенья одержимости уходили, Теда быстро прижимало совестью, и он робко оглядывался по сторонам: не услышал ли кто.

Музыка бесславно боролась за жизнь в дешевых динамиках. «Мертвые»⁴⁸. Почти всегда «Мертвые».

– «С розой Святой Стивен, сад его так дивен», – Тед, вполне прилично изображая уязвимое, выстрадавшее хныканье Джерри Гарсии, подпевал Бобу Виру⁴⁹, – «На ветру, под дождем сельский сад, куда б ни шел он, всюду людям не лад»⁵⁰. – Тед, продолжая подпевать, выкатился с парковки на темнеющие улицы Бронкса. – «Важно ли это или же нет? Стивен сказал бы, знай он ответ».

⁴⁴ Джордж Вашингтон Карвер (ок. 1865–1943) – американский ботаник, миколог, химик, педагог и проповедник.

⁴⁵ Джимми Клифф (Джеймс Чемберз, р. 1948) – ямайский певец и композитор в стиле регги.

⁴⁶ «Большая Берта» или «Толстушка Берта» (нем. *Dicke Bertha*) – немецкая 420-миллиметровая мортира.

⁴⁷ Речь о Джерри Алене Уэсте (р. 1938) по прозвищу Сцеп, американском баскетболисте (ныне в отставке), всю свою спортивную карьеру посвятившем лос-анджелесским «Озерникам» (*LA Lakers*) и прославившемся способностью успешно разыгрывать даже самые сложные ситуации на площадке.

⁴⁸ Речь об американском музыкальном коллективе *Grateful Dead* («Благодарные мертвые» или «Благодарные покойники», 1965–1995, 2015), игравшем психоделический, эйсид-, фолк-, кантри- и блюз-рок.

⁴⁹ Роберт Холл «Боб» Вир (р. 1947) – американский певец, автор песен и гитарист, один из основателей группы *Grateful Dead*.

⁵⁰ Строки из песни «Св. Стивен» (1970).

4

Тедова квартира пешком-на-четвертый-этаж представляла собой неподвижный вариант Тедова автомобиля. «Тойота-королла», Разрушенный дворец⁵¹ постоянного местожительства. Зимний сквозняк в старом многоквартирнике отлично пресекали высившиеся до потолка стопки «Нью-йоркского книжного обозрения». Голая лампочка болталась над раковиной, а еще имелась ядовито-зеленая диван-кровать из кожзаменителя, производства «Кастро Конвёртиблз», про которую можно было бы сказать, что она знавала лучшие времена, но это означало бы, что лучшие времена все же были, а сие вопрос спорный. Окна затемнены, повсюду разбросаны книги, кругом желтые линованные листки из блокнота, исписанные бисерным, яростным почерком сумасшедшего. Пишмашинка обитала на журнальном столике, бумаги в ней не водилось. И конечно, вездесущие пакетики с «Арахисом “Янки”», на каких-то уже поначеркано, какие-то еще предстояло съесть. По правде сказать, жилье это выглядело так, будто его придумал тот же человек, что и квартиру Крэмденов в «Новобрачных»⁵². Того и гляди из ванной под веж ливые аплодисменты выскочит Элис – и начнется потеха. Кое-какие тусклые цвета здесь были, но мир ощущался черно-белым. Сплошь все необходимое мужчине без нужд.

Единственный причудливый кивок наружной жизни в этой комнате – старый телевизор на стуле перед диваном, с антенной из металлической вешалки, замордованной до пирамидальной формы. Поскольку телевизор произвела компания «Эмерсон», Тед именовал его Пугалом (малых умов)⁵³ и считал себя не телезрителем, а зрителем Пугала. Включал его Тед редко. Он вырос на «Облаве», Джеке Бенни и программе Бьюика-Берла⁵⁴, а потому в нем все еще жило некоторое ностальгическое почтение к тем ушедшим временам, но, когда он пытался смотреть современные популярные шоу – «Счастливые дни» (Тед предпочитал исходный беккетовский вариант) или «Лаверн и Шёрли», – его накрывало ужасом и печалью: не сходилось у него представление о «комедии» с этим вот. Он смотрел на мучительно несмешные выкрутасы подходяще поименованного Джека Улётта (Тед убеждал себя, что создатели сериала наверняка имели в виду ЛСД, а не только неуклюжего Дика ван Дайка в смысле его бытовых полетов через мебель, но уверенности никакой) из сериала «Трое – уже компания»⁵⁵, любимой программы всей Америки, и принимался неудержимо рыдать – и за родную страну, и за себя. Единственное утешение от телеящика – местная говорящая голова Джо Фрэнклин⁵⁶, чьи бросовые декорации и здравый смысл, реклама мацы «Стрейт» и нелепая подборка гостей наполняли Теда ощущением абсурдной неуместности, теплоты и анархической надежды, какие сообщали ему картины Танги и де Кирико в МСИ⁵⁷. Де Кирико

⁵¹ Разрушенный дворец – отсылка к одноименной песне группы *Grateful Dead* («Благодарные мертвые») из альбома 1970 г. «Американская красота».

⁵² *The Honeymooners* (1955–1956) – американский телевизионный комедийный сериал о супружеской чете из рабочего класса, проживающей в захудалом бруклинском многоквартирнике.

⁵³ Пугало (малых умов) – отсылка к очерку «Доверие к себе» американского публициста, оратора и поэта Ралфа Уолдо Эмерсона (1803–1882): «Глупое постоянство – пугало малых умов, его обожают мелкие политики, философы и богословы».

⁵⁴ «Облава» (*Dragnet*, 1951–1959) – американский телевизионный детективный сериал о лос-анджелесской полиции; Джек Бенни (Бенджамин Кубельски, 1894–1974) – американский комик, актер радио, кино и телевидения, скрипач; «Шоу Бьюика-Берла» – такое название носила с 1953 по 1955 г. эстрадно-комедийная программа «Театр звезд Тексако»; Милтон Берл (1908–2002) – американский комедийный актер эстрады и кино.

⁵⁵ *Happy Days* (1974–1984) – американский комедийный телесериал (одноименная пьеса [1961] Сэмюэла Беккета не имеет к сериалу никакого отношения); *Laverne & Shirley* (1976–1983), *Three's Company* (1977–1984) – американские комедийные телесериалы.

⁵⁶ Джозеф Фрэнклин (Фортганг, 1926–2015) – нью-йоркский радио- и телеведущий.

⁵⁷ Ив Танги (1900–1955) – французский и американский художник-сюрреалист; Джорджо де Кирико (1888–1978) –

и Фрэнклин – вот где улетность без всякого улета, а не в Улетте. И еще в спорте. Спорт Тед смотрел.

Последний штрих к интерьеру – механическая рыбка на батарееке, жутковато жизнеподобно перемещавшаяся по аквариуму возле раковины. Все вокруг пронизывал смутный запах – наверное, мышинового дерьма; вернее сказать, Тед надеялся, что это мышиное дерьмо, поскольку другие варианты были куда хуже.

Тед глянул на фальшрыбку:

– Привет, Голдфарб.

Ему потешно было считать, что это еврейская золотая рыбка, потому и Голдфарб. Их внутренняя шуточка – Теда и фальшрыбки. На Теда шутка действовала безотказно. Он взял из холодильника «Бадвайзер» и упаковку арахиса, подтащил стул к окну. С немалым усилием открыл окно в мир, прикурил еще один косяк и употребил ужин. Окно выходило на улицу, и Теду нравилось наблюдать жизнь на тротуаре, оставаясь невидимым. Он высунулся подальше, взял линованный листок и принялся писать своим крохотулечным почерком. Рыгнув арахисом, пивом и каннабисом, Тед счел себя удовлетворенным. Огладил бороду с несколькими седыми прядями – смутно-недобрые знаки не слишком-то блестящего будущего. Многие вечера в его жизни прошли именно так: Тед сражался с собственным умом, пытаясь добыть ответ на вопрос, который ему еще предстояло как следует сформулировать. Уже за полночь, изрядно укуренный и усталый, Тед ужиком сползет с подоконника в кровать и дальше поспит как полагается.

5

Лето 1953 года. Мужчина непоздних средних лет молча сидит и раздраженно смотрит бейсбольную игру по черно-белому телевизору. За его спиной видно мальчика, он смотрит на отца, будто запоминая его: морщины у него на шее, как он держится, как пахнет; мальчик отчего-то понимает, что однажды отец исчезнет, если этого уже не случилось. В комнате ощущается присутствие женщины, может, где-то позади мелькает ее платье, она занята на кухне. Есть в этом доме некое приглушенное отчаяние, словно эдакий тошнотворный статический гул вблизи электростанции. Мужчина недвижим, как надгробие. По телевизору показывают игру между нью-йоркскими «Янки» и бостонскими «Красными носками». Когда с «Носками» случается что-нибудь хорошее, мужчина позволяет себе краткий всплеск ликования, но скоро вновь цепенеет. Женщина в кухне громыкает посудой, громче необходимого. Она хочет, чтобы ее слышали. Мальчик тоскует. Мальчик хочет, чтобы родители помирились. Мальчик хочет, чтобы папа взглянул на него. Мальчик думает: «Вот бы насмешить их, вот бы насмешить...» Мальчик видел, как отец смеялся над Милтоном Берлом в платье. Мальчик боится Берла, Берл похож на чокнутого кролика, но папа так не считает. Папа смелый, он не боится Берла. Папа смеется Берлу в лицо. Мальчик влезает в поле безучастного зрения отца и танцует балериной через всю комнату. Балетом он никогда не занимался. В этом и соль. Он изображает лицом застывшую улыбку балерины, семенит, подпрыгивает. Отец не обращает внимания.

И тогда мальчик встает прямо перед отцом и плюхается на зад – совсем как Чаплин или Китон. Получается здорово. Слышит, как в кухне смеется мама. Есть надежда. Но отец смотрит строго перед собой, следит за игрой. Мальчик уходит в родительскую спальню, натягивает через голову материно платье, влезает в туфли на шпильках, смотрит в зеркало и прикидывает, хорошая ли это мысль, а затем неуклюже топчет обратно в гостиную, шаткий, как новорожденный теленок. Отец смотрит строго перед собой.

Мальчик возвращается к шкафу, открывает большой чемодан с пометкой «Отпуск» и надевает все приспособления для ныряния, какие может найти: купальник, ласты, маску, трубку. Встает перед телевизором. Человек-лягух, рыба без воды. Отец не моргает. «Красные носки» зарабатывают очко. Отец хлопает в ладоши и продолжает смотреть прямо перед собой. Мать смотрит на мальчика, что смотрит на отца, что смотрит в телевизор, – из их взглядов получился бы безупречный треугольник, если бы отец смотрел на мальчика или на его мать. Но нет – и треугольник безупречен, разомкнут, он подтекает, кровоточит. Звонит телефон. Отец кричит, чтоб мать взяла трубку. Она в ответ бьет тарелку. Наконец он бросает взгляд на сына, который все еще стоит перед ним в полной экипировке ныряльщика, и говорит: «Сними трубку, нах».

Тед внезапно пробуждается от этого сна, от укуренного забытья, потерянный. До него доходит, что потрясший его странный звук – телефонный звонок. Он смотрит на часы. Начало третьего. Нащупывает трубку и хрипит в нее:

– Бойлерная, – потому что его это развлекает.

На том конце линии слышен женский голос с физически ощутимым нью-йоркско-пуэрториканским – также именуемым нуёркианским – акцентом (Теда с этим конкретным патуа познакомил начальство на работе).

– Это Лорд Фенуэй Сплошелюбов?

«Боже ты мой», – подумал Тед. Никто, кроме отца, не терзал его этим дурацким вторым именем. Теда назвали в честь стадиона. Тед всегда рвался – но все никак не доходили руки – изъять это нелепое наименование из своей жизни, раз и навсегда. Никогда им не поль-

зовался, лишь изредка дописывал инициалы Л. Ф., если какая-нибудь официальная бумажка того требовала. А если кто-нибудь приставал с расспросами, он говорил, что Л. Ф. – это Лэрри Фрэнсис или Ловкий Флайбол, но никак не Лорд Фенуэй.

– Это Тед Сплошелюбов, да. Кто вы?

– Меня зовут Мариана Бладес. Я медсестра из «Бет-Исраэл»...

Тед почувствовал, как слова ринулись из него прежде, чем он успел их подумать, словно это слова думали его, произносили его:

– Отец, – сказал он без сомнений, без размышлений о том, что они значат.

– Да, – отозвалась медсестра, – ваш отец.

6

Тед не разговаривал с Марти лет пять. Сомневался, что вообще когда-либо разговаривал с отцом по-настоящему, вел с ним честную беседу, однако последние пять лет между ними была полная и выраженная тишина эфира. Он пытался забыть, что за событие к этому привело; смутно помнилось, как он дал отцу почитать свою рукопись и его задел отцов отклик. Помнил, что отец произнес нечто конструктивное вроде: «Ты пишешь, как старик, проскочил писанину про еблю и сразу взялся за сон после не случившегося перепихона – ты, что ли, гомик? Вот я в твои годы...» – что-то в этом духе. «В каком это, нахер, смысле?» – спросил Тед. «Я пытаюсь задеть тебя до поэзии, обалдуй», – словно оракул Парк-Слоупа⁵⁸, объявил Марти. Это почти не имело значения, и Тед бросил репетировать их окончательную ссору. Отношения между отцом и сыном были до того обременены, натянуты и испорчены, что хватило бы любого повода – забытого «пожалуйста» или «спасибо», даже косого взгляда, – чтобы они вцепились друг другу в глотки. Их отношения – как степь в засуху: для адского пожара хватит и одной спички.

Медсестра Мариана не пожелала вдаваться в подробности по телефону, но Марти находился в больнице «Бет-Израэл» на углу Первой авеню и 16-й улицы, Манхэттен. Тед вырос в Бруклине, но никогда туда не ездил, а из Бронкса на Манхэттен выбирался редко. Манхэттен с его сраным идеалом «прорвешься здесь – прорвешься где угодно» был оскорблением Тедовым псевдокоммунистическим наклонностям. Показные деньжищи этого места – вечное неприятное напоминание, что Тед, вообще-то, не прорвался ни там, ни где угодно еще.

Катаясь в «королле» к Нижнему Ист-Сайду, Тед ревизовал себя изнутри – что именно он чувствует. Ничего определенного. Ни страха, ни печали, ни любви, сплошь эдакая серая онемелость. Марти было всего шестьдесят, и Тед терялся в догадках, что с ним могло стрястись. Попал под машину, что ли? Заколот официанткой? Стоило подумать об отце, как возникали лишь нехорошие волны, комок отчаяния, обиды, невысказанные надежды – и избегания. Раздумывал, не помирает ли старик. Не освободит ли его эта смерть. Теда, в смысле. Не станет ли смерть отца катализатором, который вскроет в Тедке залежи слов, сделает его настоящим писателем. Следом ему стало стыдно за то, что он «использует» без сомнения настоящие отцовы страдания ради своей возможной пользы. Затянувшись очередным косяком, Тед осмыслил температуру собственных души и ума и решил, что там, должно быть, студено.

Что напомнило о встрече с его бывшим агентом Эндрю Блаугрюндом. Блаугрюнд был его агентом по одной-единственной причине: Тед учился в Колумбии с двоюродным братом Блаугрюнда, и Блаугрюнд согласился пригреть Теда как «карманного клиента». Иными словами, «я делаю одолжение другу или родственнику, ты можешь говорить всем, что я твой агент, но я твоим агентом никогда не стану, и на звонки твои отвечать не буду, и вообще ни хера для тебя не сделаю».

Теду подумалось, что Блаугрюнду нужно запечатлеть это на своей визитной карточке.

С их последней встречи прошло добрых три года. Чтобы улучшить пятнадцатиминутное предобеденное окно и вытянуть из Блаугрюнда отклик на роман, который Тед выслал ему за одиннадцать месяцев до этого, потребовалось полгода. Мудак. Роман был постмодернистским. Тед в те поры подпал под влияние Пинчона, Бартелми и Ишмаэла Рида⁵⁹.

⁵⁸ Парк-Слоуп – район в Западном Бруклине, Нью-Йорк.

⁵⁹ Ишмаэл Рид (р. 1938) – американский поэт, романист, публицист, автор песен, драматург, издатель, знаменит своими сатирическими текстами, направленными против американской политической культуры и общественной несправедливости.

В романе мало что происходило, зато происходило очень медленно. Случались внезапные смены повествователя, а также общее презрение к эмоциям и сюжету, которые Тед считал буржуазными и устарелыми: нечего целовать задницу и потакать нуждам сказа, их с лихвой удовлетворяют телевидение и кино. Он знал, что про это говорил Сэмюэл Беккет: в совершенной пьесе вообще ничего не должно происходить. Тед считал, что в совершенном романе тоже ничего происходить не должно.

И потому Теду скорее польстило, нежели удивило его или оскорбило, когда Блаугрюнд с гравитационным шиком уронил на стол 667 страниц Тедовой рукописи – деконструкционистских утех в стиле Дерриды под названием «Магнум Опий» – и сказал:

– Какого хера тут вообще творится? Ни хера. Да вот если смотреть, как сохнет краска, она все же сохнет – это происходит. Превращение мокрой краски в сухую происходит. А тут – ни фига, дружок. По мне, чистая французская новая волна. Ален Роб-Грийе требует деньги назад. Такое чувство, будто меня пять часов подряд лупили по башке багетом.

– На здоровье, – сказал Тед.

– А, так ты к этому и стремился, что ли? Проверка читательской простаты? Тогда миссия выполнена.

– Это в традиции сюрреализма.

– В традиции нарколепсии, ты хотел сказать. Это славно и модно, профессор Морфей, но, прежде чем улетать по сюрреальному, надо на реальную землю спуститься для начала. Понимаешь?

– Совершенно нет.

– Сядь, Тед.

Тед сел, гордо не отводя взгляда, готовясь к сердитому монологу Блаугрюнда, который поправлял свой дебильный школярский галстук-бабочку.

– Я те скажу один раз, потому что, честно говоря, жизнь слишком, бля, коротка, чтобы читать такие вот книги. Этот фолиант – для пятнадцати прыщавых аспирантиков из Нью-Хейвена: сидят за круглым столом, колупают свои прыщи и мечтают о профессорской ставке. А еще ты сейчас удивишься... Тед? Ты меня слушаешь? Вижу, киваешь, но надо, чтоб ты меня слушал.

– Слушаю.

– Ты писатель, нах.

– Что?

– Писать ты умеешь, но ты – претенциозный гаденыш, и у тебя пока случилось всего две трагедии.

– Какие? Расставание?

– Расставание? Хер там. Развод – тьфу, чирей на жопе жизни. Расставание скверное дело для ребенка, а для писателя – хорошее. Жалко, маловато у тебя было расставаний. Жалко, что мать у тебя не шлюха, не проститутка, а отец не серийный убийца.

– Спасибо.

– Нет, беда у тебя в том, что с тобой стряслось всего одно расставание и что ты учился в блядском вузе Лиги плюща. Где ты, бишь, учился? В Принстоне? В Йеле?

– В Коламбии.

– А я в Гарварде.

– Даешь багровый⁶⁰.

– Коламбия все же не вполне Лига плюща, а? Если начистоту. Ну да ладно, слишком ты умный, бля, – себе же во вред. И во Вьетнаме небось не был?

Тед снял очки и помахал ими Блаугрюнду:

⁶⁰ Багровый цвет – символ Гарварда, такого же цвета символика гарвардской спортивной команды.

– Зрение двадцать на четыреста. Отсрочка «один-уай»⁶¹.
– Ловко.
– Кротовая слепота – выигрыш в генетической лотерее в век Америки, спасибо Хитрому Дику⁶².
– СДО?
– Нет. Позаигрывал с ними, но не дальше.
– ЗПП?⁶³
– Ха-ха. Тоже нет. Увы.
– Когда ты учился, Коламбию потряхивало. Я искал у тебя какие-нибудь мемуары о тех временах.
– Эт не я, пупс⁶⁴.
– Ты же из тех деток, что бесились, когда студенты захватили Библиотеку Лоу и мешали вам делать домашку?
– Именно. Ты во все яблочки уже попал.
– Зрение у тебя почти в норме. Должен был на войне оказаться.
– У меня никаких терок с желтыми.
– Это чье? Джо Фрейзера?
– Али⁶⁵.
– Точно. Я знал, что это кто-нибудь из *schvartze*⁶⁶. Нет, война пошла бы впрок: если б тебя там не убили, она бы дала тебе предмет, сюжет, нах. Вспомни Хемингуэя и Мейлера. Без Второй мировой Мейлер был бы просто гениальным маменькиным сынком, которого тянет отираться с настоящими парнями и боксерами, а бедняжку Хемингуэя даже с войной на самом деле все равно считают очередной потугой на крутого Джонни, дядьку-боксера-мордобоя за кулисами, с горяченькой, аж дым столбом, внучкой из фильма Вуди Аллена⁶⁷. И все же от войны искусству польза. Война для промышленности и прозы – это хорошо. Я вот о чем: ты, может, и не жил толком. Пишешь так, будто не жил. Складно пишешь. Ни о чем. Слова у тебя ищут тему, озираются, за что бы схватиться, но ничего не находят, кроме других слов. Тебе нужно какое-нибудь сраное событие в жизни – война рас, война полов, пофиг, что угодно. А, я понял! Я знаю, что тебе нужно сделать.

– Что?

– Соверши преступление, сядь в тюрьму и получи хер в зад. Вот что тебе нужно. Славное тюремное петушение. Тебя это расслабит в нужную сторону. Пожалуйста, не присылай мне больше прекрасно написанных книг о сладостном околачивании груш, или же я сначала убью себя, а потом тебя, именно в этом порядке. А теперь пиздуй отсюда, я жрать хочу. Увидимся через пять лет.

Тед покинул контору Блаугрюнда окрыленным. Из всей тирады агента осело одно: «Ты писатель, нах». Все прочее было невежественным мнением и чушью. Теду повезло: он нашел парковочное место на Первой авеню, со стороны башни Стёйвесант. Он тронул кончиком

⁶¹ Зрение 20/400 – 5 % от нормального зрения. «I-Y» – по этой отсрочке мужчина признан годным к военной службе, но подпадает под призыв только в случае войны или всеобщей мобилизации; обычно присваивается по медицинским показаниям (повышенное давление, небольшие травмы мышц или костей, кожные заболевания, сильные аллергии и т. п.); эту отсрочку отменили в декабре 1971 г., а получивших ее перевели в категорию «4-F» (полная негодность к армейской службе).

⁶² Хитрый Дик – прозвище 37-го президента США Ричарда Милхауса Никсона (1913–1944).

⁶³ Заболевания, передаваемые половым путем.

⁶⁴ «Эт не я, пупс» – отсылка к песне Боба Дилана *It Ain't Me Babe* (1964).

⁶⁵ Джозеф Уильям «Джо» Фрейзер (1944–2011), Мохаммед Али (Кассиус Марселлус Клей, р. 1942) – американские боксеры-профессионалы в тяжелом весе.

⁶⁶ Черный (идиши).

⁶⁷ ...внучкой из фильма Вуди Аллена – имеется в виду кинокомедия «Манхэттен» (1979) и Мэриел Хемингуэй (р. 1961), внучка писателя (у Хемингуэй это был второй фильм в карьере); автор, как видим, здесь слегка анахронистичен.

языка уголек на косяке, усыпил ожог слюной, сунул бычок в карман, повертел головой на переходе и потрусил ко входу в больницу.

7

В больницах и кафе-мороженых освещение одинаковое. Зачем? Зачем так ярко, бля? Тед размышлял над этим, пока ехал в лифте на седьмой этаж. Протопал по длинному коридору, поглядывая на номера, посматривая на людей, тихо спавших в своих постелях, и лишь машины своими звуками удерживали их на этом свете. По одному взгляду, не более, мимоходом. Смотреть на больных более или менее то же самое, что застучать голого: не хочется, чтобы поймали, но есть в этом что-то завораживающее, некое притяжение – может, уязвимость, может, всеобщность. Он вдруг сам почувствовал себя уязвимым. Сунул руку в карман, потискал бычок. Бычок на месте, и само это знание немного успокоило, что ли. На одну девушку всегда можно полагаться – на Марию-Хуану. Он завернул за угол и в конце длинного пустынного коридора увидел, как встает со стула и идет к нему темноволосая женщина. «Та самая медсестра, – подумал Тед, – которая мне звонила, Мэриэн или Мария, да? Надеюсь, это она». Время пятый час.

– Лорд Фенуэй? – сказала смуглая женщина, приблизившись.

Имя – пожизненная издевка – Теда, конечно, бесило, но в тот миг он не взбесился, потому что медсестра оказалась не на шутку инопланетной. Однозначно латина, предположил он, однако вокруг ее карих глаз он углядел Азию – Китай или Корею – и глубокую, но притягательную печаль, которую он, может, сам и спроецировал, – или нет. Тед осознал, что прекратил дышать – и что он очень, очень укурен.

– Теодор, – наконец поправил ее Тед и тут же подумал: «Я прямо как бурундук, бля, очкастый брат Элвина»⁶⁸ – и тут же взялся одергивать и переодергивать самого себя: – Или Тед. Тед. Теодор. Ну, в общем, Теодор годится, но лучше Тед. Тед.

– Ладно, мы, похоже, пришли к однозначному выводу. Тед так Тед. Я Мариана. Мы говорили по телефону, – сказала она с улыбкой; рот у нее был широкий, но в идеальной пропорции с ее милым лицом, кое широким не было.

«Как такое может быть?» – подумал Тед, а в голове заиграла, отвлекая его, «Сладкая магнолия»⁶⁹ «Мертвых», и он выгнал музыкантов в заднюю комнату сознания, чтоб джемовали без него. Тссс, Джерри, мне надо сосредоточиться.

Марианин прекрасный рот пришел в движение:

– Вашему отцу сегодня уже получше, пришлось промыть ему желудок, но чуть погодя все с ним будет хорошо.

Ох уж этот пуэрториканский выговор. Черт. От явственно слышного акцента Тедов компьютер начинал сбоить. Тед почувствовал, что вегетативная нервная система у него, кажется, отключилась, и испугался, что придется дышать осознанно, чтоб не забыться и самого себя не удушить. И раз, и два, и три, и четыре. Он не помнил, где взял эти конкретные шишки, но бля. Выдавил из себя:

– Старый мерзавец пытался покончить с собой?

Голова у медсестры отшатнулась всего на микрон, и если не укурен в хлам, как Тед, и не заметишь, но он увидел, что задел ее черствостью тона. Он частенько забывал, что ненавидеть своего отца необычно и неестественно и еще более необычно демонстрировать это в приличном обществе.

⁶⁸ «Элвин и бурундуки» (1958–1972, с 1979 и далее) – вымышленная американская музыкальная группа из трех бурундуков, основана пианистом и актером Россом Багдасаряном-ст. (Дэвидом Севиллом); имена участники группы получили в честь руководителей их тогдашнего лейбла звукозаписи «Либерти Рекордз» – директора Элвина Беннетта, основателя и владельца Саймона Варонкера и главного инженера Теодора Кипа.

⁶⁹ *Sugar Magnolia* (1970) – песня «Благодарных мертвых» из альбома «Американская красота».

– У вашего отца рак легких, плоскоклеточный. Последняя стадия, – сказала она.

Рак легких. Плоскоклеточный. Тед велел своим легким дышать. Как полагается реагировать на такую новость естественному человеку? – задумался он. Нужно вести себя, будто я такой. «Ради этой женщины», – решил он. Но пока собирал на лице некое подобие печали, вдруг ощутил, как на него нисходит настоящая – глубокая, чудовищная – грусть, и перестал ее изображать.

– Счет на месяцы, – сказала она. – Вы не знали?

– Недавно выяснил, – ответил Тед.

– Насколько недавно?

– Совсем недавно.

– Когда?

– Вот сейчас прямо, когда вы сказали.

Она кивнула:

– Он болеет уже года три.

– У нас дружная семья, – отозвался он.

Он болеет уже три года? Иисусе Христе. Три года назад ему прочили два года от силы. До чего же страшно ему было? Как же одиноко? Была ли рядом с ним какая-нибудь молоденькая подружка, держала ли за руку? Медсестра продолжала говорить с ним – в него. Он слышал, что два года назад Марти перенес «восстановительное хирургическое вмешательство», которое оказалось «минимально успешным». Тед услышал слово «мелкоклеточный» и что химиотерапия немного продлила отцу жизнь. Он никак не мог толком сосредоточиться, и слова «карцинома» и «цитотоксический» наплывали на него невозбранно и бессмысленно, исполненные зловещей значительности. Еще, еще слов – «циклофосфамид», «ви-пи-16-123», «1-эм-и-1-нитрозомочевина». У Теда возникло ощущение, что он слушает стихи на неведомом языке – стихи о смерти. «Миды» и «мины» зрительно рифмовались у него перед мысленным взором. Медсестра, похоже, заметила, как в глазах у него упала шторка.

– С вами все хорошо? Простите. Я на вас много всего сразу вывалила. Можем потом еще поговорить. Вот...

Медсестра скользнула длинными пальцами по белой медсестринской юбке и сунула руки в карманы. Блузка натянулась, и на миг мелькнул лифчик – чуточку слишком хороший, слишком кружевной и слишком красный для такой работы и для этого места. Она вытащила маленькую визитку. Тед наказал себе дышать и дальше.

– Вечно кончаются. Мариана Бладес, – проговорила она, протягивая руку. – Специалист-консультант в горе.

Что? В горе. Специалист-консультант. Тед тут же подумал о Чарли Брауне и «беде-огорченье». Разве есть ли такая беда, которая не огорченье, – беда-не-огорченье? Как бы на орешки не получить!⁷⁰ Но Марти жив. А Мариана – преждевременный консультант в горе. Скорее, она консультант по вопросам смерти. Она отвечает смерти на вопрос, кого забрать следующим? Тед ощутил, как на лице у него воцаряется улыбка, и изо всех сил попытался обратить этот процесс вспять.

– Консультант в горе. Консультант в смерти, – повторил он, разглядывая карточку. – Чарующе. Типа «специалист по мокроте», или «координатор ранений», или «полномочный представитель гноя».

Тед, в общем, порадовался, что три эти придумки получились у него с кондачка.

⁷⁰ Чарли (Чарлз) Браун – персонаж комикса *Peanuts* (англ., букв. арахисовые орешки, перен. мелюзга, мелочевка, семечки, 1950–2000); «Беда-огорченье» – междометное восклицание Чарли.

– Я работаю с умирающими, на последних стадиях. Все начинается с потрясения, далее отрицание, торг, подавленность, а затем принятие и умиротворение.

– Обычный день, по-моему. За вычетом умиротворения. – Шутка почти попала в цель – но не совсем в ту, которую он наметил. Тед понял, что в заданных обстоятельствах чересчур старается быть забавным.

– С вашим отцом мы занимаемся вот чем: в его последние дни я пытаюсь помочь ему достичь принятия, проявить власть над повествованием в своей жизни.

– А, это, что ли, кюблер-россовское? Дребедень в стиле Джеймза – Хиллмена – Юнга?⁷¹ – сказал Тед, притяжая на общность с ней и выказывая эрудицию, но тут же понял, что ведет он себя как снисходительное чмо. Накатил гнев – гнев на рак, а перед Тедом стояла Мариана, и возникла опасность, что он сейчас сольет это все на нее. А не хотелось.

– Вы читали Кюблер-Росс?

– Да.

– И как вам?

– Ну, я на самом деле не прям *читал* ее, скорее читал про нее – вот так я читал.

– «Читал про нее – вот так читал». Понятно.

Если бы это была игра на очки, Тед проигрывал бы со счетом 0:3, с двумя страйкаутами и одним пинком на горку.

– Вот письмо. – Она подала ему желтый линованный листок. – Письмо, которое он написал мирозданию.

– Этому мирозданию? – переспросил Тед, поняв, что раз уж никак не пресечь этот снисходительный тон, то надо за него хотя бы отвечать. Здесь и сейчас взять быка за рога, то есть сказ про себя-мудака. Может, она примет эту снисходительность за силу и ум. Тьфу-тьфу-тьфу. – Мирозданию, в котором мы с вами находимся? Этому мирозданию он написал?

Она кивнула и ткнула пальцем в письмо. Теду не хотелось его читать, и он, продолжая нести околесицу, глянул на оборот листка.

– А обращение к мирозданию в начале письма должно быть? Дорогое мироздание. Наверное нет, так? В смысле, космический почтальон не понадобится: письмо – оно уже в мироздании, которому адресовано.

Медсестра вздохнула и показала взглядом на письмо. Тед, вероятно, уже испытывал ее терпение. Он начал читать вслух:

– «Дорогой Тед, у меня рак легких. Что хуево, птушта я всегда покупал только такие сигареты, которые вредны беременным женщинам и младенцам, а я – ни то ни другое и считал, что меня это не затронет. Дурак-то. Поди ж ты: рекламному боссу “Тарейтона” вставили его же смоляной пистон».

Тед оторвался от чтения и проговорил:

– Смешно.

– Дочитайте до «Красных носков», – сказала Мариана.

Тед вновь вперился в текст:

– Тыры-пыры, тыры-пыры. А, вот... «Меня зачали в 1918 году, в ночь, когда “Носки” в последний раз выиграли в чемпионате. Незаконный сын незаконной женщины, еще одно проклятье Малыша». Остроумный квазиисторический каламбур. «Незаконный» написано с ошибкой.

Мариана улыбнулась.

– Что? – уточнил Тед.

⁷¹ Элизабет Кюблер-Росс (1926–2004) – американский психолог швейцарского происхождения, создатель концепции психологической помощи умирающим больным, исследователь околосмертных переживаний; Уильям Джеймс (1842–1910) – американский философ и психолог, «отец» современной психологии; Джеймс Хиллмен (1926–2011) – американский психолог, основатель направления архетипической психологии.

– Ваш отец сказал мне, что вы профукали свой первоклассный ум и мечете арахис в обывателей.

Тед не смог решить, рад он, что отец так охарактеризовал его этой женщине, или не рад. Он вернулся к письму, повел пальцем по строкам:

– Тыры-пыры... Похоже, он спятил... А, вот: «Сегодня пятнадцатое июня, и “Носки” оторвались на пять с половиной игр. Конечно же, в этом году они наконец-то выиграют, а я, конечно же, умру, и мое пророческое рождение приведет к замыканию кадуцеева круга». Кадуцеева! Давай, пап, отжимай свой словарный запас. Несколько цветисто и выспренно. «До октября мне можно прыгать с высотных зданий, ловить пули зубами и срать серебряными долларами». Неожиданно. «До октября я – бог». Так, ну ладно, похоже, тут явно взята власть над повествованием, и – ух ты, какие наркотики вы ему даете, можно мне тоже немножко?

Мариана ответила просто:

– Вы ему нужны. Нужно, чтобы вы помогли ему завершить работу всей жизни, цельный вымысел. – Мариана взяла его за руку и повела к одной из палат.

– Нахер вымысел, – сказал Тед. – Я бы решил, что сейчас самое время посмотреть в глаза правде.

– Он не роман пишет как таковой. Он мысленно переписывает роман своей жизни.

– Ага, а это, наверное, не полное «ку-ку».

– Историю жизни можно рассказать миллионом способов, Теодор. – Отсылка к бурундукам? Ладно, пусть... – Как трагедию или комедию – или сказку, в которой бейсбольные команды сторожат вашу жизнь, словно колдуны-чародеи. Он пытается рассказать вам свою историю – по-своему.

– А я пытаюсь с пониманием отнестись к тому, что вы говорите, но историю за здорово живешь не переписать, – возразил Тед. – Прошое так запросто не переиначишь. Есть такая штука – факты, они в этом деле помеха. Упрямые факты.

Она остановилась у палаты 714 – сумма всех хоумранов Малыша Рута. Подтянула Теда поближе к себе, приглушила голос до шепота, вперила в него взгляд глубоких карих глаз. Тед лицом и ухом почувствовал ее дыхание. И мгновенно лишился рассудка. Пожалуй, за три последних года он ни разу не оказывался так близко от женщины – если не считать проплаченных случаев. «Мертвые» опять пели «Сладкую магнолию» – что-то про глоток воздуха, что-то они хотели ему сказать. Тихо, тихо, Боб, Джерри, ребята...

– Ваш отец так это себе представляет, – промолвила она, – что он был и злодеем, и жертвой, и козлом. А умереть он хочет героем.

Из палаты донесся мужской голос, изломанный, хриплый, дребезжащий на последних голосовых связках.

– Попроси у нее карточку, дурила!

8

– Привет, Марти, – сказал, входя, Тед.

Несколько лет он не видел отца, и увиденное оказалось скверным. Ужас до чего поху-дел и поседел Марти. Когда-то был подтянутым красавцем, а теперь, казалось, светился – но не здоровьем, а словно облученный. Трубки вдоль изможденных рук и ног. Кожа тонкая, будто у гончей, того и гляди прорвется.

– А ты кто? – спросил отец.

– Вот молодец-то.

И тут же они включились в привычный ядовитый ритм.

– Вид у тебя херовый, Лорд Фенуэй.

– Спасибо. У тебя тоже.

– Без балды. «Янки» ведут?

– Ага.

– Ебте рысью. Двенадцать секоналов. Десять кваалюдов⁷². И все равно вот он я. До октября бессмертен.

– Ага, мне уже сказали, что ты у нас новый Мистер Октябрь⁷³.

Марти кивнул на Мариану:

– Мариана – испашка, Тедди. (Ох ты ж. Тед глянул на Мариану виновато.) Как Лу и с Тьянт, как Хуан Маричал и Роберто Клементе⁷⁴. Испашки сочнее бледнолицых.

Тед покачал головой:

– Не говори это слово.

– Какое? «Сочнее»?

– Нет, не «сочнее».

– «Бледнолицые»? «Беложопые» тебе больше нравится?

– Нет. Не «бледнолицые». Знаешь же, о чем речь.

– А, «испашки»! Так это ж просто сокращение от «испаноговорящих». Это ж естественно – отбрасывать хвост.

– Дело не в том, естественно или нет, и это не сокращение. Это расистское обозначение. Оскорбительное, верно, Мариана? – Тед осознал, что прорычал «р» в «Мариана» так, будто хотел отдать должное испанскому, и что со стороны это выглядело невероятно глупо.

– Ну, – сказала Мариана, вновь обнажив белоснежные зубы, – переспрашивать у меня, оскорбительно это или нет, даже оскорбительнее, чем само слово. Избыточная тактичность выдает скрытые предубеждения и более глубокую бестактность.

– Поучи его уму-разуму, – вставил Марти.

– «В этом городе одни испашки» – оскорбительно. А вот, допустим, «Мариана, *mira mira*⁷⁵ – красотка моя испашка» от такого обаятельного мужчины, как ваш отец, услышать вполне приятно. В кругу друзей у слов появляется личный оттенок. Вы же писатель, так? Контекст. Тон.

– Все зависит от того, как подать? – предвосхитил Тед.

– Да, – ответила она, – все зависит от того, как подать, верно. Совершенно верно. – И добавила для полноты картины: – Бледнолицый.

⁷² Секонал (натрия секобарбитал, амитал) – лекарственный препарат, барбитурат, обезболивающего и успокаивающего действия; кваалюд (метакалон) – снотворное. Применение обоих препаратов ныне запрещено во многих странах.

⁷³ Мистер Октябрь – одно из прозвищ бейсболиста Реджи Джексона (см. выше).

⁷⁴ Луис Тьянт, Хуан Маричал и Роберто Клементе – американские бейсболисты латиноамериканского происхождения.

⁷⁵ Здесь: красотка (исп., разг.).

– Бледнолицый! Получи! От так! Полный разгром. Славная испашка, – проорал Марти, затем рассмеялся, после чего застонал. – Ай, черт. Блядский смех.

9

Тед просидел у отца в палате еще час-другой, пока телом Марти не овладели лекарства и он не впал в беспокойное забытие. Мариана растолковала Теду, что предстоит в ближайшие месяцы, и наплатила его надеждой и желанием: неизбежный конец наступит раньше, нежели позже, поскольку он сопряжен с немалыми муками и болью. Никакого особого упования на счастливый исход она не выразила, ибо Марти высказался против любой дальнейшей хирургии или химиотерапии. Она упомянула «купирование боли» и обрисовала лекарственный режим Марти, который, полушутя добавила она, не включает десять кваалюдов за ночь. Объяснила слегка шарлатанские альтернативные методы, «последнюю соломинку», которые она втайне от врачей позволила Марти применять попутно. Он принимает экспериментальный лаэтрил⁷⁶ и трескает таблетки витамина С как конфеты, спасибо предписаниям доктора Лайнуса Полинга⁷⁷, а может, и хелатную терапию попробует. Что бы это, нахер, ни значило. Тед устал переспрашивать: «А это что?» – и чуть погодя просто начал кивать, упреков взгляд в пол. Все это виделось ему обреченным, утомительным, путаным – и вообще обломом. Теду хотелось на самом деле одного – дунуть.

За рулем «короллы» на пути в Бронкс, когда справа от него уже начало восходить солнце, Тед потянул из кармана бычок, а вместе с ним вылезло и отцово письмо мирозданию. Теду удалось высосать из бычка пару затяжек, остаток он закинул в рот и проглотил. Развернул желтое письмо и прочитал его сам себе вслух, двигаясь полупустыми улицами в подымающемся свете. «Я размышлял о том, почему ты как я. Писатель, который не пишет. Или писатель, который пишет и пишет, но извне себя, не изнутри. Ты не живешь в себе самом, пацан. И, мне кажется, ты все еще не нащупал свою тему». О цвета Блаугрюнда, подумал Тед, снова-здорово. Похоже, еще один трактат о художественных достоинствах тюремного анального насилия. «Вот тебе тема. Я не могу умереть, пока бостонские “Красные носки” не выиграют подчистую. Даже если потребуются еще шестьдесят лет. Я эти шестьдесят лет проживу. Как думаешь, может, это вдохновит тебя на возрождение Ф. Скотта?»⁷⁸ Или, может, на какое-нибудь американизированное борхесовское горячее видение? Или хотя бы на мелкотравчатый вариант Пинчона? Обдумай, Тедди Беймяч. Обдумай давай».

Тед обдумал, после чего смял письмо в комок и вышвырнул в окно. В зеркало заднего вида приметил, как желтое пятнышко упало на землю и ветер унес его прочь.

⁷⁶ Лаэтрил (амигдалин) – витаминоподобный препарат нетрадиционной медицины, предположительно с антираковым действием.

⁷⁷ Лайнус Карл Полинг (1901–1994) – американский химик, кристаллограф, лауреат двух Нобелевских премий, активный поборник употребления аскорбиновой кислоты (витамина С) в больших количествах как профилактического и терапевтического средства от простудных и онкологических заболеваний.

⁷⁸ Ф. Скотт – имеется в виду Фрэнсис Скотт Фицджералд.

10

Тед проспал весь день напролет. За окном на улице стоял жуткий грохот, но Тед мог спать под что угодно. Чувства его за годы круглосуточной и без выходных атаки города Нью-Йорка онемели. Наконец Тед все же проснулся в шумной тьме, завозился. Верещала неотложка, надвинулась, пронеслась словно бы у него под кроватью, покатила дальше. Тед включил свет, схватил ручку и блокнот и собрался писать. Не вышло. Он отложил блокнот, добрел до холодильника, вытащил банку «Бадвайзера» и половину сэндвича-«героя» неведомого возраста и содержания. Щелкнул пивом, обнюхал сэндвич и скривился, понюхал еще раз – и скривился меньше, после чего вгрызся в хлеб, мокрый от желтоватого соуса, в котором тот квасился все это время. Тед жевал и готовился тошнить, давиться или умирать, но ничего подобного не случилось. Подошел к телевизору, включил его. К жизни ящик вернулся не сразу: сначала в центре экрана возник маленький яркий круг серого света – как первая вспышка энергии перед Большим взрывом, подумал Тед. Но примерно через минуту свет внезапно залил весь экран, появились звуки и картинки. Этот телик – говно динозавра.

У Теда было семь каналов и УВЧ. УВЧ хорошо брал испанские станции и испанскую пародию на борьбу, *lucha libre*, и приходилось ловить эти станции, как радиоприемником – жизнь в глубоком космосе. В глубоком космосе явно говорили на испанском. Словом, все-ленная развлечений у Теда включала в себя семь планет – и всё. Итого: 2 – Си-би-эс, 4 – Эн-би-си, 5 – Дабью-эн-и-дабью (местное), 7 – Эй-би-си, 9 – Дабью-оу-эр (местное, домашний канал нью-йоркских «Метов»⁷⁹), 11 – Дабью-пи-ай-экс (местные, домашний канал «Янки») и 13 – Пи-би-эс (домашний канал «Улицы Сезам» и «Театра шедевров»⁸⁰). Пластиковая ручка переключения каналов от старости и усталости давно откололась, и Тед приделал к оставшемуся штырю плоскогубцы. Ничто не подсказывало номер канала, и Тед просто поворачивал плоскогубцы по часовой стрелке, пока не оказался на волне, которая смахивала на 11-й канал.

Играли «Янки» – с Бостоном в Фенуэе. «Носки» вели. Тед хлебал пиво и слушал, как комментаторы Фил Ризуто и Билл Уайт⁸¹ заполняют мертвое время пауз в движухе, а такого времени в бейсбольной игре – большая часть. Ризуто – эдакий гений абсурда, артист эстрады, чей ум блуждал от околесицы к околесице подобно доброму дядюшке, что бредет прочь от семейного пикника, присоединяется к чьему-то совершенно чужому и ест что им бог послал. На счете 2: 1 под Грейга Неттлза⁸² Ризуто предался воспоминаниям, перебирая друзей – сплошь итальянцев, – у кого был день рождения или кто готовил ему пасту на прошлой неделе, и до чего скверные пробки на мосту Джорджа Вашингтона. Чтобы опередить пробки, Ризуто обычно уходил после седьмого иннинга, и поэтому казалось, что он пытается втиснуть в семь иннингов объем слов – простецких фишек, древних бейсбольных баек и восхитительной дребедени, – рассчитанный на девять. Билл Уайт был строгой половиной этого клоунского дуэта и время от времени изображал раздражение, однако был очарован Скутером – так называли Ризуто еще в те дни, когда он играл у «Янки» шорт-стопом и за это попал в Зал бейсбольной славы, – не меньше всех остальных. Дин Мартин для Джерри Ли Льюиса-Ризуто. Билл Уайт называл Ризуто Скутером, а Ризуто Уайта, который был черным, – Белым.

⁷⁹ «Метрополитанс» – профессиональный бейсбольный клуб из Куинза, Нью-Йорк.

⁸⁰ *Masterpiece* (изначально *Masterpiece Theatre*, 1971–2008) – американская телеантология в жанре драмы.

⁸¹ Уильям Де Кова «Билл» Уайт (р. 1934) – бывший игрок первой базы, с 1971 г. бейсбольный комментатор; фамилия афроамериканца Уайта означает «белый».

⁸² Грейг «Пых» Неттлз (р. 1944) – бывший игрок третьей базы.

Тед полез в карман и извлек оттуда карточку Марианы, покрутил ее на свету, поднес к лицу, вдохнул. От нее пахло женщиной, духами и добром, и в животе у Теда невольно поморщилось. Зазвонил телефон, и Тед виновато вздрогнул, будто его застукали за обнюхиванием женского белья. Он уставился на аппарат и не снимал трубку пять или шесть гудков.

– Алло?

– Не одолеют «Янки» «Носков» в Фенуэе.

– Вы, кажется, ошиблись номером.

– Тебе надо в комики.

– Ты где, Марти?

– Дома. Через три дня пора съезжать было. Как Иисусу Христу. Смотришь игру?

– Нет, – соврал Тед, – я типа работаю, пишу. – Тед склонился над пишмашинкой и для полноты картины клацнул парой клавиш по голой каретке.

– Не буду тебя отвлекать.

Щелк. Марти отключился. Тед уставился на трубку, после чего положил ее на рычаг и вперился в телевизор. Покачал головой, взялся за телефон, набрал номер. Марти ответил:

– Говорите.

– Вот почему ты никогда не прощаешься, Марти? Взял и бросил трубку. Хамство это. Ты как животное. Ни разу в жизни, сколько мы с тобой по телефону ни говорили, ты не закончил разговор по-человечески, ни разу не сказал «пока». Всякий раз на полупhrазе – и нет тебя, щелк – и всё... – Тед изобразил нудеж телефонного гудка.

– Правда?

– Да, правда.

– Ой. Хм. Пока.

Щелк. Гудок. Тед набрал, и Марти снял трубку – на десятом, что ли, гудке. Упрямое мудро.

– Кто это?

– Я есмь сущий⁸³.

– Пучеглаз-морячок?

– Скорее Яхве, я бы сказал. Игру смотришь?

– Ага.

Они молча смотрели игру, каждый у себя дома. Марти жил в Бруклине, в доме, где Тед вырос. Парк-Слоуп. Бруклин, конечно, с 1898 года – часть Нью-Йорка, но на самом деле Нью-Йорк – это Манхэттен, а Бруклин – это Бруклин. У него даже свой акцент. Был для юного Теда в этом географическом апартеиде налет отщепенства и недостойности, и отчасти из-за него – и из-за всего, что с Манхэттенем было связано, – Теду там до сих пор было неуютно. 16 декабря 1960 года, когда ему было четырнадцать, над островом Стэйтен врезались друг в дружку и рухнули на Парк-Слоуп два самолета – «диси-8» Объединенных авиалиний, 84 человека на борту, и «Созвездие» «Ти-дабью-эй», 44 человека на борту. Тела несчастных из «ди-си-8» попадали на землю рядом с их домом, небо рыдало огнем, все погибли. Невообразимый, сверхъестественный кошмар. И с тех пор, с четырнадцати лет, Тед непроизвольно поглядывал с тревогой в небо над Бруклином. В Бруклине, как это чувствовал Тед, тучи валились на землю – буквально. На Манхэттене можно было стать круче тучи. Теду не жилось ни в том ни в другом пространстве, и потому он поселился в Бронксе.

Отец с сыном не беседовали много лет, но вот это было им по силам – смотреть игру в милях и районах друг от друга, сидеть в молчании, перемежавшемся редким хмыком или вопросом «Видал?», вдохновленными игрой. Такой вот, что ли, затейливый бессловесный ритуальный танец, какому учат друг друга мужчины из поколения в поколение. Он заменял

⁸³ Я есмь сущий – Исх., 3:14.

настоящее общение, коего нет, но предполагал возможность разговора – или, по крайней мере, узаконивал разговор как концепцию. В нем ничего не было, но танец этот давал странную надежду. На площадку вышел шорт-стоп «Янки» Расселл Эрл «Брыки» Дент (урожденный О’Дей)⁸⁴. Марти исторг звук презрения.

– Брыки Дент. Конец иннингу. Автоматический аут. Им бы девять таких Брыки Дентов. Парень не попадет и в пиньяту, даже если ее на болт ему привесить.

– А мне нравится Брыки Дент, – вступился Тед. – Хорошая перчатка. У шорт-стопа главное – ловить, наплевать, как он там с битой.

Брыки Дент пнул слоу-бол подающему. Тед слушал надсадное дыхание отца, и оно пугало сильнее, чем он готов был себе признаться. Тед снял с телевизора «фрисби», в которой отделял шишки от семян, прихватил папиросные бумажки «Биг Бамбу» и принялся одной рукой скручивать себе косяк. Будь он умельцем-ремесленником, глядеть на его проворство и мастерство – сплошной восторг. Скрутил себе тугую малютку. Прикурил.

– Хорошая игра, – сказал Тед.

– Ага.

– Ты ел?

– Ага.

«Красные носки» вышли к бите, и отец с сыном притихли, но слышали дыхание друг друга.

– Ризуто – единственный «Янки», какой мне нравился.

– А Косатка?

– Да он из оклендских «А»⁸⁵ на самом деле. Наемник.

«Носки» вывели на поле еще пару человек.

– Ты куришь травку? – спросил Марти. Травку. Трав-ку. Теду нравилось вот это «к», его вправляла в это слово квадратная публика.

– Нет.

– Эй, дружок, мне ж похер. Отец я тебе, что ли.

Тед признал остроу у молчаливым кивком. Накрыл ладонью микрофон у трубки, чтоб не слышно было следующих затяжек и роскошных выдохов.

– Ты ел.

– Ага, я ж сказал.

– Да?

– Да.

– А погрызть есть чё?

– Заткнись.

Кто-то попытался стырить вторую базу, и его вышвырнули. Тед возбудился:

– «Носки» в этом году опять подавятся – как всегда. На дворе сентябрь – листья и «Носки» меняют цвет, отмирают и валяются наземь.

Марти, попытавшись сказать «иди нахуй», закашлялся. Он все кашлял и безуспешно пытался сказать свое «иди нахуй». Тед хихикал, как укурок, но в трубке по-прежнему перхали, и Тед забеспокоился.

– Нахуй меня, Марти, я понял. Марти, Марти, спокойнее, ты все еще на первом месте.

Марти наконец хватанул достаточно воздуха, чтобы вновь заговорить.

⁸⁴ Расселл Эрл «Брыки» Дент (О’Дей, р. 1951), играл за разные команды (1973–1984), далее занимался административной работой, ныне на пенсии; прозвище встречается довольно часто, обычно его дают за норовистость, напористость, упрямство, от англ. *bucky* – брыкливый, свое нравный.

⁸⁵ Оклендские «Атлеты» – профессиональный бейсбольный клуб, выступает в Главной лиге бейсбола, базируется в Окленде, Калифорния.

– Чего они бегают с двумя вышвырнутыми? Сколько в этом спеси. Грудь у меня – такое чувство, что на ней сидит Тёрмен Мансон и макает шары мне в рот, как чайный пакетик, унылый яйцеклад свой китовый, жирножопый мудила. – И опять закашлялся.

– Тухлый Тёрмен, – проговорил Тед, но побоялся сильнее распалять отца и заткнулся.

Погодя кашель успокоился до мучительного хрипа. В обоих домах разговаривал теперь один лишь Филипп Ризуто, поздравлявший кого-то с итальянской фамилией с днем рождения, а Реджи Джексон меж тем пытался пробить.

– С тобой есть кто-нибудь? – спросил Тед.

– В смысле, типа той лисички-медсестрички?

– Нет.

– Нет, никого, ой-ой-ой... – Марти затих.

Тед вновь поглядел на Марианину карточку. Консультант в горе. Советник по умиранию. Адъютант Темного Жнеца? «Харон и Заживо, Инк.»? «Цербер и Ко.»? Тед этим фуфлом мог развлекаться хоть весь день. Надо мне этим на жизнь зарабатывать – писательством. Смешно. Пошла реклама «Бадвайзера», короля пива. Тед не знал, что страна пива – монархия. Судя по звучанию слова, немецкая. Бадвайзер-Плантагенеты на троне своем небось ерзают. Поскольку вполне разумно предположить, что Королевство пива обречено впасть в ебанный пьяный хаос рано или поздно, а? Джон Ячмень⁸⁶ – наверняка в душе анархист.

– Может, надо мне приехать, побыть с тобой, – подумал Тед вслух, не успев даже начать это делать про себя. Травка, не иначе. – На пару дней, пока тебе не полегчает чуть-чуть.

Полегчает? Глупость какая – у человека последняя стадия рака. Простите за пулевое ранение, мистер Линколн, отдохните на выходных, поваляйтесь и к понедельнику будете как новенький.

– Марти?

– Ага.

– Чё скажешь?

– Я сказал «ага», черт бы драл.

И умирающий повесил трубку без «пока».

⁸⁶ Джон Ячмень – персонаж из одноименной английской народной песни, олицетворяет урожай ячменя и варение алкогольных напитков из него – пива и виски.

Осень 1946 года

Турнирная таблица финала Американской лиги бейсбола

Бостонские «Красные носки»	104	50
Детройтские «Тигры»	92	62
Нью-Йоркские «Янки»	87	67

Молодой человек прижимает к плечу вялого младенца месяцев девяти от роду. Головка у ребенка болтается. Молодой человек поглядывает на жену – она красавица, но тревога морщит ей лоб. Она падает в чернейший свой страх. И муж ее вместе с ней. Он производит в уме чудовищный подсчет остатка своих дней, если малыш умрет. Вычисляет. Из этого не выбраться. Если мальчик умрет – умрет сама жизнь. Дни сделаются подобием дней. Он никогда больше не займется с женой любовью. Смеяться он еще, может, будет, но смех этот сделается бездушным. Молодой человек держит мальчика перед собой. Заглядывает ему в глаза – и отдаляется. Нет, не нарочно. Однако, быть может, придется. Если мальчик умрет, жизни предстоит идти дальше. Не проводить ему ребенка дальше смерти. Нельзя. Это не выход.

Но погодите. Это же всего лишь первая простуда. Может, они принимают ее слишком всерьез. Первый ребенок, начало родительства, первая простуда. Он смотрит мальчику в глаза и воссоединяется с ним. Намерен. Вдыхает. Хорошо. Но не как прежде. Не как пару минут назад. Нечто глубинное, тяжкое – сдвинулось. Тектоническое. Младенец чувствует это и слабнет, и его крохотное сердце наполняется пожизненным одиночеством и недолговечностью. Мальчик смотрит на отца. Будто винит его. Будто знает, что отец на мгновение решил жить в этом мире без него, и теперь этот единожды воображенный мир уже никогда не исчезнет, даже если мальчик выживет, для них обоих эти два мира будут существовать бок о бок – мир с мальчиком и мир без мальчика. И мальчику с отцом придется вечно странствовать между этими мирами. Не будет больше твердой почвы. Полмира озарено солнцем, полмира – ночь, навсегда. Вот так. Не может быть, думает отец. Младенец не может так думать, видеть, воспринимать, знать. Что там Вордсворт говорил? «В ореоле бессмертия» мы идем? Или там «в ореоле славы»?⁸⁷ «Дитя мужчине есть отец»?⁸⁸

Ребенок покашливает. Что-то у него в груди. Вирус. Вроде беса или дьявола. Отец не хотел показывать мальчика врачу. Он не желает быть тем родителем, что с каждой царапиной сына бежит по врачам. Не желает, чтоб сын рос слабым и зависимым. Чтоб привыкал с таких вот юных лет, будто можно не полагаться на себя. Только что закончилась мировая война, миллионы людей умерли, не жалуясь. Смерть и поныне бродит по земле, может, ей скучно, она пенсионерка – или, по крайней мере, не занята на полной ставке, так, подхалтуривает. Деток убивает, например. Бестолковые это фантазии. Есть наука – и всё.

И он выжидал день-другой, а мальчику было все так же, но отец настаивал, что ребенок должен справиться сам. Всего-то простуда, первая простуда, ничего особенного. Проверка.

⁸⁷ «В ореоле славы» – из оды «Отголоски бессмертия по воспоминаниям раннего детства» (1803–1806) английского поэта-романтика Уильяма Вордсворта (1770–1850), пер. Г. Кружкова.

⁸⁸ «Дитя мужчине есть отец» – из стихотворения «Душа поет, когда гляжу» (1802) Уильяма Вордсворта.

Наверняка ж ерунда. Мальчик покашливает. Бес гордо заявляет о себе. Смерть гордится. Мальчик кашляет все сильнее, пытается вытолкать тьму к свету, но бес показывается лишь наполовину, а затем опять прячется в мальчишке поглубже, и дьявольские когти, как абордажные крючья, впиваются и застревают в мягком пуховом нутре маленьких легких. Между припадками кашля дитя уже не двигается. Пару дней не улыбается. Отцу неведомо. Он не читал про это книжек. Ему казалось, что он все поймет сам собой, а чего не поймет, то жена знает. Они заполнят друг другу пробелы. Это же брак. В женщине должно быть материнское знание. У них у всех так, верно?

Мужчина вновь производит расчет, невольно, – вылепливает воображаемый мир минус дитя. Проклинает себя и свое избегание боли, потребность ума предсказывать худшее, чтоб уберечься от потрясения. Какое себялюбие, думает он. Но может, это естественно, такова часть человеческой природы. Все остальное поспрано инстинктом выживания, самосохранения. Мужчина читал в книжках о животных: львы пожирают свое потомство. Может, они это из любви. Заглатывают свою боль и боль ребенка вместе с ним – и никакого больше страдания. Львенок попадает в лучшее место, где нет ни тревог, ни страданий. Папа все проглотит. Могучий папа. Природа – мерзавка.

А может, и нет. Он не лев. Он человек. Может, это неестественно и жестоко. Жена смотрит на него – в него. Видит ли она его мир, который без мальчика? Видит ли, что это он убил их ребенка? Видит ли, что и ее в том мире нет? Что теперь есть мир, в котором он убил и ее? Видит ли она меня, размышляет он, меня изнутри, и что во мне слишком много миров и мне нельзя доверять? Он отстраняется и от нее. Вот так просто распадаются браки? И да и нет. Он не знает. Что он знает? Ему жаль, конечно, и все же ну ее к черту. Не нужны ему обвинения. Он ничего такого не сделал, он просто подумал, а делал все, что от него зависело, во благо. Мальчик кашляет, теперь уже тише. Сдается? Ему слышно, как ликует бес. Мучитель. Когти впились глубоко. Мать выхватывает ребенка у своего молодого мужа. Ребенок не отзывается. Головка болтается на бессильной шее. «Пожалуйста, – молит она, как и прежде, – пожалуйста, давай отвезем его в больницу».

15 октября 1946 года

Пески⁸⁹ тоже не поторопился, и бостонские «Красные носки» по результатам семи игр проиграли чемпионат мира сент-луисским «Кардиналам».

⁸⁹ Джон Майкл «Джонни» Пески (Павескович, 1919–2012), по прозвищу Игла или Мистер Красные носки, – игрок на позициях шорт-стопа и третьей базы, в зрелые годы – директор команды и тренер.

12

30 июня 1978 года⁹⁰

	Выиграли	Проиграли	ППБ ⁹¹	Оставание
Бостонские				
«Красные носки»	43	19	,694	—
Детройтские «Тигры»	36	24	,600	5,5

Тед не был в Бруклине с тех пор, как умерла мама. Отродясь не ездил из Бронкса в Бруклин и никогда поток своей жизни не перенаправлял туда-сюда – из Бруклина в Бронкс, из Бронкса в Бруклин. «Кололле» все равно, в смысле – «королле». Берте не нравилось ездить вообще никуда. Тед сунул «Мертвых» в магнитоу. «Друг дьявола», вторая песня с «Американской красоты», выпущена в 1970 году. Он рассмеялся при мысли, что его машина – домоседка. Старуха-японка, по горло сытая этой блядской страной, из своего огорода и носу бы ни казала.

Еще ни разу не удавалось ему разобраться, поют ли «Покойнички»: «Сказал, я бегу, но не прям тороплюсь» или «Скакал на бегу...» Разница невелика, но Тед перемотал эту часть и вслушался. Все равно непонятно. Еще раз перемотал. Не-а. Ну, значит, останется малюсенькая загадка, подумал он. Пусть. Как писатель он стремился сживаться с неопределенностью, обитать в серой зоне. Китс, как это широко известно, выявил негативную способность у Шекспира, и Теду самому хотелось бы претендовать на чуточку этого щедрого дара. Незадача, впрочем, заключалась в том, что для автора-то негативная способность была даром, а для человека – скорее гамлетовской нерешительностью, обломовской ленью, параличом Бартлби. Вот бы сторговаться для удобства, а? Достичь компромисса? Чтоб и то и другое? За пишмашинкой – негативная способность в широком диапазоне, но со здоровой закваской лихой *спрециатуры*⁹¹ и ухарства в делах житейских? Увы, склонности и таланты и в том и в другом все еще оставались непроявленными. Все серое. Как глаза у Теда.

Что 2 будет делать, добравшись к отцу, Тед не представлял. О медицине он не знал ничего, терпеть не мог иглы, и ему не нравился вид крови. Какой от него прок? А если что-то пойдет наперекосяк, пока он будет у отца? Тед мог бы отвезти его в больницу. Мог бы набрать «911». Позвонить той медсестре. Сунул другую кассету в магнитоу – «Блюз для Аллаха». «Мертвые» пели «Башню Фрэнклина»⁹²: «Если сеешь лед, ветер и пожнешь. / Ты развей росу...»

Старый квартал на Гарфилд-Плейс выглядел почти так же, как во времена его детства, из-за чего Теду стало еще странней и утлее. Он занес ногу над педалью газа – втопить, убратся отсюда и никогда не возвращаться. Но далеко ли он уедет на своей «королле»? Вкатился на пустое парковочное место. При ближайшем рассмотрении район оказался все-

⁹⁰ ППБ – Процент попаданий на базу, отношение общего количества хитов, пробежек и хитбайпитчей к общему количеству выходов на бит, пробежек, хитбайпитчей и сакрифайсфлаев; приводится в долях единицы, нуль и запятую перед значимыми цифрами обычно опускают.

⁹¹ Спрециатура (*um.*) – слово из книги «О придворном» (1528) итальянского писателя Балдассаре Кастильоне (1478–1529); по определению автора, «некоторая беззаботность, дабы скрыть всякую искусственность и добиться в своих поступках или речах видимости, что никаких усилий и почти никаких раздумий они не требуют».

⁹² *Blues for Allah* – альбом «Благодарных мертвых» (1975), «Башня Фрэнк лина» – вторая композиция оттуда.

таки несколько лучше того, каким Тед его запомнил: эти места подверглись некоторому бессистемному «облагораживанию», какое Нью-Йорк переживает вместе с бумагами и бздями Америки. Тед на дух не переносил такие перемены – как и само слово «облагораживание»: оно уязвляло его коммунистические наклонности и казалось ему средневековым. Где тут, бля, «благородные» эти? Тед прихватил пару пакетов с одеждой и туалетными принадлежностями и огляделся: не узнает ли кого из местных крепостных или слуг.

Он выбрался из машины и направился к дому. Вгляделся в дорожку – когда-то он нацарапал свое имя на мокром цементе, но надписи не осталось. Дорожка была гладкая – как набежавшей волной с песка смывает инициалы, обведенные сердечком. Слишком много волн. Волн, похоже, всегда больше, чем слов и сердец на песке.

Тед вообразил, что бы подумал он-мальчишка о себе теперешнем, если бы глядел на самого себя в окно. Как в «Сумеречной зоне» – «Возьмем, к примеру, Теда...»⁹³ Борода, брюхо, ореол бездомности. Вероятно, сам себя напугал бы. Он-мальчишка, может, посмеялся бы над ним теперешним. Не пушу тебя в дом, жирный обсос-майка-в-кляксу, пока родители не вернутся. Тед покачал головой – гадская мысль. Взошел по красноватым кирпичным ступеням и дернул за дверную ручку. Нет, не дежа-вю к нему пришло. У него возникло ощущение, что он уже совершил то, что делал сейчас: поднялся по лестнице, открыл большую дверь – потому что, пока рос, производил эти действия тысячи раз. И хотя этот день прежде никогда не случался, Теду показалось, что проживал его неоднократно. Но это не утешало и не обнадеживало. Он невольно глянул в небо – проверить, не сыплются ли с неба самолеты, не взрываются ли миры. Не-а. Там, в первозданной синеве, с виду все было, в общем-то, зашибись. Тед вошел.

В доме творился бардак и пахло подозрительно. Плохой запах, но опознать его сразу Тед не смог: воняло так, будто зарезали напуганное животное. Нездоровая смесь ментола, яиц, мочи и дыма.

– Марти? – позвал Тед отца.

Тот появился из-за угла в старом темно-бордовом халате нараспашку, и Тед увидел на нем белые трусы в обтяжку, до того старые и заношенные, что точнее их было бы назвать серыми в обвиску.

– Тедди, ты приехал, – сказал отец, и всамделишные удивление и благодарность его тона обезоружили и тронули Теда – до комка в горле. Марти приковывал и обнял его.

Пахло от Марти ужасно. Тед поперхнулся, но удержался и скрыл это; чувствовал, что вляпался, без всякой своей воли, не у себя дома. Руки у него висели вдоль боков.

– Обними меня, педик, – прошептал Марти шутейно-любовным тоном Теду на ухо. Тед обхватил отца поперек туловища до того щуплого, что ему показалось, будто он обнимает ребенка или костюм на вешалке. – От тебя пахнет. Травкой.

– А от тебя – дерьмом каким-то.

– Не дави так, – сказал Марти. – Ты меня пытаешься обнять, отыметь или убить?

– А, ну да, ровно так я и представлял наше воссоединение.

Марти разомкнул объятия.

– Ты мне, похоже, что-то сломал нах. Давай помогу с сумками, – добавил он. – Полиэтиленовыми.

Тед отозвался:

– Я за вторичное использование.

⁹³ *Twilight Zone* (1959–1964) – американский телевизионный сериал, объединяющий жанры фэнтези, научной фантастики, драмы и ужасов; одна из фирменных особенностей сериала – закадровый голос его создателя Рода Серлинга (1924–1975).

Они пошли на второй этаж, Марти не раз останавливался перевести дух. Через несколько ступенек упер руки в колени и склонил голову. Теду привиделся образ: у старика легкие по объему – как два пустых конверта, и помещается в них по листку воздуха. Такие они сплюснутые и липкие.

– Надо мне поставить подъемник, как для старых пердунов. Кстати, если примусь все-ррез толковать про такой подъемник для старых пердунов, пристрели меня в голову. – Они постепенно подбирались к старой Тедовой комнате – здесь он жил, когда был маленький. Идти быстрее отца Теду не хотелось. Движение их было таким спотыкучим, что он не был уверен, идут они или стоят. Дал Марти открыть перед ним дверь в бывшую детскую. – Номер для молодоженов, – произнес Марти и протянул ладонь, как за чаевыми.

– Да. Да. Вот где никогда не случалось волшебство, – сказал Тед и вошел в маленький прямоугольник, что был миром, в котором он вырос.

13

Клише нетронутых детских комнат в кино и телике – условное обозначение родителя, не желающего, чтобы его ребенок вырос, или ребенка, что отказывается вырасти, или родителя, оплакивающего мертвого ребенка. Привет от мисс Хэвишем⁹⁴, только без полового подтекста. Если б Тед был с собою сверхсуров – сказал бы, что комната осталась почти такой же, какой он запомнил ее, отбывая в Коламбию, потому что его отец оплакивал смерть того, кем Тед, по его мнению, мог бы стать. Но, вероятно, столько сентиментальности приписывать Марти не стоило. Вернее предположить, что Марти было до усеру лень, да и хозяин из него паршивый. Все четыре этажа дома за последние десять или пятнадцать лет практически не изменились, меж тем жизнь, которую проживал Марти, схлопывалась сама в себе географически, и пространство, которое он действительно населял, неуклонно сужалось, пока не свелось к гостиной внизу да кухне и ванной. Вселенная в целом непрерывно расширялась, а вселенная Марти постоянно сжималась, солнце в ее сердцевине теряло связь с другими планетами и комнатами, и все стремилось сойтись в одной комнате, в точку, в черную дыру, в смерть.

– Пошел бы принял душ, Марти, ты смердишь.

– Спасибо за совет, сынок. Предоставлю-ка я тебя волнам памяти о твоих зеленых деньках, – сказал Марти. – Ах, если бы стены могли говорить.

– Я бы попросил их нахер заткнуться.

Марти убрел, Тед остался один. Он словно примерз к полу – глядел на свою односпальную кровать, простыни, наволочки и покрывало, все с символикой «Янки». Виниловые альбомы на полках – долгоиграющие и сорокапятки. Взял одну – «(Я твой личный) Мишка Тедди». Элвис. Элвис, некоронованный король Америки, умер прошлым летом. Его смерть, по ощущениям, стала концом чего-то, но Тед не понимал чего. Чтоб он Элвиса сейчас слушал? Да ни в жисть. Но Тед его присутствие в комнате постигал. Пара альбомов Пэта Буна. «Любовные письма на песке». Свят-срат, стыдоба. Перри Комо. Джонни Мэтис. Годжи Грэнт? А еще альбом Сэма Кука⁹⁵. Приемлемо. На стене над кроватью – плакат зари цветного кино, 1955 года, научно-фантастическая не-классика «Этот остров Земля». Тед не помнил, из иронии он это повесил или всерьез перся по китчевому подзаголовку: «Двое смертных в ловушке далекого космоса... бросают вызов неземным фуриям беззаконной планеты, сошедшей с ума!» Двое смертных в ловушке далекого квартала. Глядя на экспонаты в своей комнате, Тед почувствовал, что пытается расшифровать иероглифы. Он рос в 50-е, чего уж так строго с собой.

На волнах памяти Теда укачивало до блева, и потому он прошел к комоду, закинул в него то-се из привезенной в пакетах одежды, бросил в ванной умывальные принадлежности. Отвернул кран, подождал, пока вода из бурой не сделалась светло-коричневой, а потом и нью-йоркской прозрачной. Сунул голову в раковину, попил и рассмеялся, вспомнив, что где-то читал про кошерных евреев, будто им, чтобы пить городскую воду из-под крана, требуется особое разрешение раввина, потому что в этой воде живут микроскопические ракообразные, замаскированные креветки, водопроводное трефное.

⁹⁴ Мисс Хэвишем – героиня романа Чарльза Диккенса «Большие надежды» (1860), полусумасшедшая старая дева.

⁹⁵ Пэт Бун (Чарльз Юджин Бун, р. 1934) – американский певец, в 1950-е годы близкий по популярности с Элвисом Пресли; Джонни Мэтис (Джон Ройс Мэтис, р. 1935) – американский крунер и автор песен, теле- и киноактер, один из последних артистов дорок-н-рольной эпохи; Годжи Грэнт (р. 1924) – американская поп-певица; Сэмюэл Кук (1931–1964) – американский певец, автор песен, предприниматель.

Тед подошел к чулану повесить куртку – темно-синюю ветровку «Янки», полученную за так на работе, – и увидел свои старые футболки и кроссовки, чак-тейлоровские «конверсы», а в глубине кое-что из зимних и пляжных причиндалов: лыжные ботинки, всякое для ныряния. Тед нагнулся глянуть поближе и заметил стопку черно-белых толстых тетрадей. Поначалу он предпочитал писать в таких, на желтые блокноты перешел позже, и теперь они нарциссами запленили всю его квартиру. Он вытащил несколько тетрадок и сел на край кровати. Ни дать ни взять поллоковские кляксы черного и белого, белый квадрат посередине – для подписи, черный корешок. Привычное внешне и по форме настолько, что кажется частью природы. По буквам на обложке становилось понятно, что тетрадки эти принадлежали юнцу. Поперек нескольких обложек значилось «Руки прочь!!!!!!», а еще «Под страхом смерти или чего похуже!!!!!!», «Если читаете это и вы – не тордор (написано неверно, отметил Тед – Тор-дор – с внезапной, почти невыносимой нежностью к юному себе: Тор-громовержец!) лф сплошелюбов, вам грозит адская ж#па – то есть вам лично!!!!!!» Все в порядке, подумал Тед, я – Тордор-ловкий-флайбол-сплошелюбов, мне можно.

Почерк угловатый и крупноватый, рука одиннадцатилетнего мальчика. Каллиграфический эквивалент дотестостеронового фанфаронства. Взрыв рыбы-шара. Тед ловил таких, когда они ездили к родственникам в Восточный Излип. Тед удил морских окуней на мороженный гольян, бамбуковой удочкой с пластиковым поплавком, в проливе Лонг-Айленд. Куда чаще, чем окуня, вылавливал он рыбу-шар. Защищаться она могла, лишь надуваясь вдвое-втрое против нормального размера, чтобы показаться хищнику врагом по-страшнее. Другого оружия, кроме надува, у рыбки не было, подумал Тед, – как и у многих людей, шаров надутых. Тед снимал рыбу с крючка и гладил ее по брюху, отчего и возникал такой вот забавный отклик. В еду они не годились – неядовитым был только хвост. Яд – оружие получше, чем надувательство, думал Тед. Всего несколько секунд – и вот уж в руках у Теда живой шарик-рыба, штука из кислотных снов. До исполинских размеров не раздувались только кривые зубы и шипастая коричневатая морда. И Тед перекачивал этот живой мячик с ладони на ладонь, словно питчер, выбирающий, как бы половчее схватиться, гладкая шкурка рыбы натянута чуть ли не на разрыв, колючая поверхность на ощупь – как трехдневная отцова щетина по воскресеньям. Все равно что держать отца за щеку. Кое-кто из Тедовых друзей брал ножик и протыкал рыбок в точности как надувные шарики; некоторым мальчишкам казалось, что это умора – смотреть, как рыбка медленно истекает жизнью, долго умирает. Тед так не делал. Он размахивался и зашвыривал рыбу как можно дальше в воду. Рыбка плюхалась и еще какое-то время плавала надутая – от неуверенности, что угроза миновала. Юный Тед видел в этом что-то очень человеческое и грустное – в потешном, но отчаянном бахвальстве даже после того, как все закончилось, хотя в те поры Тед не смог бы облечь это в слова. Опасности нет, но театральщина эта, надутое существо-мячик, пузом кверху, голова под водой, – все еще напояк. И затем, когда несчастная рыба, осознав некую благоприятную перемену в условиях, известных лишь ей одной, как-то определяла, что пронесло, она комично сдувалась, тонула и уплывала прочь – а на следующий день вновь раздувалась и веселила садистскую человечью мелюзгу.

Тед глянул на дату на первой странице: 1957. Точно, одиннадцать. Принялся листать. Ничто не зацепило внимания. Дневник, который Тед вел еще мальчишкой. Отец заставлял писать ежедневно.

– Это мышца, – говорил Марти. – Куй железо, пока горячо.

– Ты сам писал бы каждый день? – спрашивал юный Тед, потому что предпочел бы играть в настольный бейсбол сам с собой, да вообще почти что угодно предпочел бы, лишь бы не писать.

– Ты сам нахер заткнулся бы, а? – обычно отвечал отец.

Теда заинтриговало. Может, эти дневники – чис тый, незамутненный взгляд в прошлое, эдакий ключ к нему самому, вероятно способный отомкнуть будущее. Понять бы, что он есть, глядишь, смог бы стать чем-нибудь другим. Тед остановился на случайной странице и прочитал нечто вроде книжной рецензии.

14

«Лучший бейсбол», Томми Хайнрик⁹⁶

Начало этой книги про Томми Хайнрика который говорит про бейсбол, про защиту и про нападение почти во всех играх. в бейсболе нападение наверху, а защита на поле.

Ну, может, этот вот фрагмент сокровенного бейсбольного знания и литературной критики – не искомый волшебный ключ. Тед перелистнул несколько страниц и прочел запись, датированную «27/3»:

Я взял Уолта в Питер-Купер и [«я» зачеркнуто], как обычно, жалею об этом. Какой он зануда ничего не хотел делать вообще. [«Когда» зачеркнуто] не выношу когда кто-то так делает я не могу объяснить, но просто не выношу. Я встретил Ричи Гроссмена и Криса Моделла (Тяф-тяф) и Крис такой парень что говоришь что-то и он тебя раздражает. Представляешь что он делал с Уолтом. А еще я играл в баскетбол.

Тед задумался над этим обращением на «ты». Кто, по его мнению, слушал, что происходило в послевоенных небогатых кварталах Питер-Купера и Стёйвесант-тауна? Кому вообще нахер сдалось знать, что он думал или кого там раздражал той весной Крис Моделл? Тед услышал, как снизу его зовет отец. Сложил тетрадки обратно в тайник, до следующего раза.

Тед спустился и обнаружил отца в кресле перед телевизором.

– Как дела, Марти? – спросил он.

– Если не считать плоскоклеточного рака – восхитительно.

– Ты же понимаешь, о чем я.

– Я ссу вермутом и сру серебряными долларами.

– Потешно. Хоть и мучительно. Может, стоит провериться.

– Почему ты зовешь меня «Марти»?

– Потому что такое у тебя имя.

– Почему ты не зовешь меня «папа»?

– Почему ты не зовешь меня «сын»?

– По-моему, иногда зову. Разве нет?

– Не знаю. Наверное.

Затем:

– Хочешь, чтоб я тебя звал папой?

– Да похер, признаться.

Тед вздохнул и присел на диван. Потарасились в телевизор некоторое время, хоть он и не был включен.

– Цветное?

– Он не включен.

– Я знаю. Идет сейчас что, цветное?

– Ага. Техниколор. Мне не нравится. Японское. Бездушное.

– Пурист.

Молчание.

⁹⁶ «Лучший бейсбол», Томми Хайнрик – книга полностью называется «Путь к лучшему бейсболу» (1951), написана Томасом Дэвидом Хайнриком (1913–2009) по прозвищу «Хватка» (или «Старый верный»), американским профессиональным бейсболистом из Главной лиги бейсбола; всю игровую карьеру Хайнрик посвятил «Янки».

– Некоторые смотрят телевизор, но ты, я бы сказал, смотришь на телевизор. Ты его включаешь вообще?

– Часто теряю пульт. Игра вечером?

– Наверное.

– Работает?

– Нет, они еще не вернулись.

Опять взгляды на телевизор. Проползла целая минута. Марти начал насвистывать что-то невнятное, а затем сказал:

– Нам не обязательно разговаривать, если тебе не хочется.

– Ага, у нас в последние пять лет неплохо получалось.

– Разве не год?

– Больше.

– Но ой как я скучал по этим вот отцовско-сыновним отношениям. Убиться прям.

– Не, не убиться, – сказал Тед.

Прошла еще одна бесконечная минута.

– Хочешь поговорить? – спросил Тед.

– Еще бы.

Но далее – ничего. Теду казалось, что он слышит каждый тик в очень шумных часах, как в программе «60 минут».

Марти заговорил:

– Не желаешь ли поговорить?

– А ты?

– Я первый спросил.

– Как хочешь.

– Ну, кажется, разговариваем.

– Да?

– У меня губы и язык шевелятся, воздух между зубами выходит.

– Это разговор. Верно.

– Или разговор про разговор. Славно, а?

– Ой да.

– Почему мы перестали разговаривать?

– Хочешь знать, как мы завязали с этим делом?

– Ага, ага.

– Я послал тебе книгу. Ты меня обозвал.

– Обозвал?

– Я послал тебе книгу, ты назвал меня гомиком.

– Ну нет.

– Да.

– А! – Марти рассмеялся, вспомнив. – Это плохо, доктор Бразерз?⁹⁷ Следует говорить «гомосексуалист», а не «гомик»? За этой ебаной словесной полицией не угонишься.

– Мне плевать, что ты сказал.

– Очевидно, нет. Очень даже не плевать.

– Меня это не зацепило. Просто ни туда ни сюда. Ты меня достал. Я послал тебе роман, спросил твоего мнения, а ты меня обозвал.

– Я не называл тебя гомиком. Я сказал, что ты пишешь, будто гомик.

– А, ну тогда, конечно, другое дело.

⁹⁷ Джойс Дайен Бразерз (Бауэр, 1927–2013) – американский психолог, телеведущая и колумнистка, с 1960 по 2013 г. вела в прессе ежедневную колонку советов.

– Ладно тебе, я просто хотел сказать, что тебе не помешало бы пожить жизнь.
– А при чем здесь гомосексуальность? Гомосексуалисты не живут жизнь?
– Это фигура речи.
– Херня. Обычный сексизм, расизм или что угодно еще. Не важно.
– Это фигура речи, умник-разумник. Не стать тебе писателем, если будешь париться о словесной полиции. Ум у тебя должен быть не Сингапур, а Таймс-сквер.

– Пусть.

– Ты бы предпочел, чтобы я процитировал твоего любимого Берримена⁹⁸ и сказал, что твоя блядская жизнь – «сэндвич с носовыми платками»?⁹⁹ Так оно тебе больше по вкусу? Та же херня.

Тед глубоко и шумно вдохнул, дыханием и губами почти слепил слово, но не вполне, и вроде бы на том и конец, но нет, не смог он этого так оставить.

– А может, дело в том, что твои три последние подружки были моложе меня. Меня от этого как-то...

– Пробило на ревность?

– Покоробило. Перекосило нахер от отвращения.

– Бонни!

– Ее так звали? Мне она известна под именем Младенчик.

– Бонни. Бонни, а до нее – Эмбер.

– Имечко для стриптизерши.

– Она и была стриптизерша.

– Спасибо.

– И доктор африканско-танцевальных наук, к твоему сведению.

– На эту тему диссертации не принимают.

– Это ты так думаешь.

– Двадцать пять?

– Да какая разница? Двадцать три. Ее запах, Тед, ее запах придавал мне здоровья.

– Иисусе.

– Моника. Надо ей звякнуть.

– Ты в зеркало не поглядываешь последнее время?

– Говнюк.

– Давай не будем, а?

– О, о, конечно, давай. Мы можем давать не быть хоть целый день.

Это было выше Тедовых сил, в груди возникла бесприютность. Он сунул руку в карман и достал косяк. Марти глянул неодобрительно, но затем полез в карман халата и вытащил склянку с обезболивающим – эскалация войны препаратов. Покосился на Теда: моя дурь круче твоей, я выиграл.

– Это что, валиум?

– Может быть. Не знаю, валиумно я себя чувствую или кваалюдово. Видишь ли, иногда мне нарциссово, иногда маргаритково.

– Иногда тебе идиотски, а иногда нет. Кваалюд – отличное слово для «Скрэббла», помогает скинуть избыток дешевых гласных.

– Не переносу «Скрэббл». Остановимся на 'люде.

⁹⁸ Джон Эллис Берримен (1914–1972) – американский поэт, формально относимый к «исповедальной» школе, значительная фигура американской поэзии второй половины XX века.

⁹⁹ «Сэндвич с носовыми платками» – отсылка к строке из 76-го стиха творения (1969) в цикле Джона Э. Берримена «Песни снов».

Тед пожал плечами и подпалил снаряд. Марти закинулся «Рорером-714»¹⁰⁰ и заодно несколькими таблетками витамина С конского размера, после чего сказал:

– За дым не беспокойся, у меня всего-то рак легких.

– Черт, – сказал Тед и, выдув дым в сторону, разогнал его руками. Тщательно затушил бычок и вернул его в карман. – Извини.

Некоторое время посидели молча.

– Пап?

Марти удостоверился, не ирония ли у Теда это «пап». Может, и нет.

– Да, сын?

– Хочешь погулять?

– Не, не очень.

Тед несколько откатился в себя, как уходящая волна. Почувствовал, будто сделал шаг навстречу в милю длиной, хотя на самом деле понимал, что не так уж далеко и шагнул. Скорее, на дюйм, но по ощущениям – гораздо дальше. Марти почувствовал этот отскок и перекинул кое-какой душевный мостик.

– Неважный из меня теперь ходок. Посеменить, впрочем, можно. Хочешь, своди меня посеменить?

¹⁰⁰ «Рорер-714» – кваалюд изначально выпускали компании «Рорер» и «Леммон», и на таблетках штамповали число «714».

15

Тед натянул куртку «Янки» – от утренней зяби, а Марти, в порядке контратаки, надел поверх халата куртку бостонских «Красных носков», а также, чтобы уж добить, – их бейсболку. Марти ходил теперь с палочкой, а иногда и на коляске, и ему приходилось опираться на руку Теда. В конце квартала размещался зеленый газетный киоск, Марти покупал там «Пост». «Таймс» ему доставляли, а вот в чтении «Пост» Марти признаваться не хотелось. Да и никому не хотелось. Спортивный раздел – исключение. Марти приходил к киоску поболтать с другими стариками, которым нечего было делать – лишь посасывать окурки неподожженных сигар, жаловаться, нести чепуху о спорте и все утро напролет врать друг дружке. Эти люди обитали в округе, сколько Тед себя помнил. Марти, всю жизнь проработав рекламщиком, ошивался с ними редко. Но как ушел на пенсию пару лет назад, принялся проводить на углу все больше времени, и эта община стариков, этот польско-русско-черно-итальяно-ирландо-греческий хор стал его общественной жизнью.

По дороге к киоску Марти с бухты-барахты произнес:

– Мариана.

– Что?

– Медсестру зовут Мариана.

– Я не спрашивал.

– Правда?

– Не, не спрашивал.

– Хм.

Марти знал, кажется, половину публики – и шедшей мимо, и торчавшей из окон. Похоже, личина заскорузлого старого мудака существовала не для одного Теда, но соседей по кварталу она скорее веселила, чем раздражала. Их обогнала молодая пара с прогулочной коляской и малолеткой в ней, и Марти шепнул ребенку:

– Пять с половиной игр, поганец ты мелкий.

Отец ребенка рассмеялся и сказал:

– Доброе утро, мистер Сплошелюбов.

Пожилая женщина высунулась из окна своего насеста на третьем этаже и крикнула:

– Эй, Сплошелюбов, спринтер сраный! – Марти засветил ей средний палец. Она хохотнула. – Я испекла банановый хлеб, Марти, а это Тед? – спросила она, будто видала его вчера, а не пятнадцать лет назад.

– Да, здравствуйте, миссис Хэгер, это я.

– Господи ты боже, Тед, сто лет, сто зим. Охо-хо, как летит время.

Марти вякнул в ответ:

– Да, милая Бетти, время летит быстро, зато дни охуеть какие длинные.

Бетти встреча с Тедом, похоже, действительно тронула – она все качала головой: чертовое это время, медленно-быстрое.

– У меня бананового хлеба хватит на вас обоих. Зайдите на обратном пути.

Квартал до киоска на углу они преодолевали поразительно долго. Но так теперь стало у Марти. Теду нужно приспособиться. Седые пантеры¹⁰¹ околачивались тут исключительно с целью убить ползшее, как улитка, время. Хозяин киоска Бенни был один к одному Чезвик из «Кукушк ина гнезда». Штиккер – толстый австрийский еврей, вечно гремевший горстями четвертаков в кармане, словно радостно страдал некой разновидностью нумизматической слоновой болезни. Айвен, очень светлокожий черный, вечно спихивал кончиком трости

¹⁰¹ «Седые пантеры» (с 1970 г.) – американская организация, занятая защитой прав пожилых людей.

сигаретные бычки с тротуара в водосток – ни дать ни взять крайне специализированный дворник. Весь из себя франт Танго Сэм, напоминавший престарелого Берта Ланкастера¹⁰², казалось, не ходил, а танцевал. Когда Тед с Марти подобрался к киоску на расстояние вопля, Танго Сэм заговорил:

– Марти, ах ты фу-ты ну-ты, пенсионер двенадцати вице-президентов седьмой крупнейшей рекламной конторы на Восточном побережье, выглядишь великолепно, одолжи полтинник.

¹⁰² Бёртон Стивен «Бёрт» Ланкастер (1913–1994) – американский кино актер, обладатель премий «Оскар» и «Золотой глобус» (1961), призер Венецианского (1962) и Берлинского (1956) кинофестивалей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.